

Ван Мэн

ПЕЙЗАЖИ ЭТОГО КРАЯ

王蒙 这边风景 上

1

«Я старательно выписывал облик этой окраинной земли, судьбу этого народа, рисовал в деталях человеческую фактуру и колорит...»

Мэн Ван

Пейзажи этого края. Том 1

Международная издательская компания «Шанс»

2013

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)

Ван М.

Пейзажи этого края. Том 1 / М. Ван — Международная
издательская компания «Шанс», 2013

ISBN 978-5-907173-57-6

Роман «Пейзажи этого края» описывает Синьцзян начала 1960-х годов – во время политических экспериментов и голода в Китае, натянутых отношений с Советским Союзом. Здесь жили уйгуры, ханьцы, казахи, узбеки – мир героев романа многонационален. Трудиться в коммуне со всеми наравне, жить просто или хитрить, заниматься незаконной торговлей, притворяться больным? Думать о жизни реальных людей или слепо строить политическую карьеру? Бежать за границу или остаться на родине? Эти вопросы герои романа Ван Мэна решают для себя каждый день, каждый их поступок – это новый поворот. Для широкого круга читателей.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)

ISBN 978-5-907173-57-6

© Ван М., 2013
© Международная издательская
компания «Шанс», 2013

Содержание

От переводчика	5
Предисловие к зарубежному изданию	7
Жизнь и время не обманывают тебя	9
Предисловие	12
Действующие лица	13
Глава первая	16
Глава вторая	23
Глава третья	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	46
Глава шестая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ван Мэн

Пейзажи этого края. Том 1

От переводчика

Приступая к новой книге, мы всегда совершаем открытие. Перед нами – окно, а за ним – не диковинные картинки далекой экзотической страны, но тот самый мир, в котором мы сейчас живем, – это только кажется, что все состоит из кусочков, разрозненных в пространстве и времени.

Сегодня Китай— неотъемлемая часть нашего мира, а далекий Синьцзян – неотъемлемая часть Китая, и бурная эпоха, когда воздух шестидесятых носился над всей планетой, – часть нашего времени... Такое понимание многое открывает и объясняет.

Это взгляд автора на наш мир с необычной для русскоязычного читателя стороны, и это особенно интересно.

Интересна и личность самого автора. Подпольщик, преподаватель, репрессированный «правый уклонист», бывший министр культуры... Здесь дочитавшие уже до третьей главы понимающе улыбнутся: знаем-знаем, в Китае не бывает «бывших», даже если это только «начальник отдела», звание остается за человеком на всю жизнь.

Однако у Ван Мэна есть более высокое звание – писатель. Он классик современной китайской литературы. Его произведения издают по всему миру, их с увлечением читают всем Китаем последние несколько десятков лет. В Китае есть специальный институт по изучению творчества Ван Мэна, с его именем связывают литературный метод, получивший название «поток сознания».

На русском языке рассказы Ван Мэна издавались неоднократно.

В современном информационном пространстве не нужно большого труда, чтобы найти более или менее точные ответы на любой вопрос. Надо только знать имя человека, предмета или события. Часто это очень помогает: не требуется лишних комментариев, а знающему – достаточно.

Про писателя Ван Мэна можно прочесть, что он «мастер рассказа». И это чистая правда.

Ван Мэн – мастер детали; часто в эпизодах настолько подробно прописаны мельчайшие движения лица, интонации, жесты, что кажется, будто все снято на киноплёнку или происходит на театральной сцене, а читатель находится в первом ряду или даже прямо среди действующих лиц. Персонажи выписаны настолько подробно, что получились совершенно живыми; у тех, кто должен быть совсем уж положительным, есть ошибки и недостатки, а те, которые должны бы быть совсем нехорошими и просто отвратительными, вызывают улыбку и сопереживание.

Так же подробно, до мелочей, выписана материальная фактура декораций, в которых разворачивается действие. Это бывает только тогда, когда писатель не просто умеет что-либо описывать мастерски, но и сам все видел собственными глазами. Можете не сомневаться.

Ван Мэн – мастер интонации; его произведения звучат многоголосием героев, с их индивидуальными словечками, акцентами; авторские интонации варьируются от пафоса до сарказма; здесь есть и уличный говор, и высокий классический стиль, цветастая разукрашенная метафорами речь и сухое сдержанное повествование. По ходу авторского рассказа мы встретим и простонародные выражения, и деревянный язык шаблонов, и патетику лозунгов эпохи шестидесятых.

Для произведений Ван Мэна, конечно же, характерна многослойность, в них есть уровни различной глубины, скрытые цитаты, отсылки к поэзии и литературе древности и более позднего времени, заочный спор, а иногда прямое цитирование авторов – Ли Бо, Ду Фу, Ли Цин-

чжао – и не только китайских: писатель владеет несколькими иностранными языками, прекрасно знает европейскую и русскую культуру.

Автор прокладывает линию сюжета через поле вопросов и ассоциаций, а чем богаче и детальнее пространство, создаваемое писателем, тем больше возможностей у читателя самому бродить по этому миру и делать свои собственные открытия.

Итак, перед нами не рассказ, а большой роман, написанный в период расцвета духовных и творческих сил автора. И он выходит на русском языке впервые.

В самом Китае этот роман тоже издан совсем недавно. Были на то причины, автор объясняет их в предисловии – даже готовый к печати типографский набор романа был уничтожен. Но рукописи, как известно, не горят и не теряются.

Теперь читатель может сам заполнить пробелы в информационном пространстве и добавить «Пейзажи этого края» в перечень известных миру произведений Ван Мэна, а к «мастеру рассказа» добавить звание «мастер романа». Приятных вам новых открытий!

А. Л. Монастырский

Предисловие к зарубежному изданию

В конце 1963 года – я тогда числился преподавателем Пекинского педагогического института – я решил уехать в далекий Синьцзян; десять тысяч ли, как говорится, не расстояние.

Во-первых, очень хотелось расширить свой жизненный опыт. Во-вторых, я уже никак не вписывался в идеологическую среду Пекина, и мне все тяжелее давалось «продолжать революцию под знаменем диктатуры пролетариата». Я прикинул, что уж лучше поехать в далекую провинцию, населенную национальными меньшинствами (пусть голова хоть немного проветрится), и к тому же там будет как-то проще рассказывать о братстве народов, единении государства и о горячей любви к Родине...

В 1964 году я приехал в какое-то село на юге Синьцзяна и тупо просидел там четыре месяца, а политическая атмосфера в стране становилась все напряженнее. В 1965 году по разнарядке от парткома автономного района и руководства ассоциации работников культуры я поехал в район Или, на село, «закаляться трудом», и заодно был даже какое-то время замом бригадира Второй большой бригады Краснознаменной народной коммуны уезда Инин. Я совершенно «слился в единое целое» с местными крестьянами всех народностей и понемногу овладел уйгурским языком и письмом, за что крестьяне-уйгуры меня стали уважать и любить.

В начале 1974 года я начал писать большой роман – «Пейзажи этого края». Хотя ситуацию в культурной жизни тогда еще трудно было назвать нормальной, у меня все же получилось в полной мере выразить и свое понимание уйгурских крестьян, и свою любовь к ним; я старательно выписывал облик этой окраинной земли, судьбу этого народа, рисовал в деталях человеческую фактуру и колорит, повседневную жизнь уйгуров, особенности культуры и менталитета.

Тогда над Синьцзяном тоже бушевали ветры и грозы. Особым был 1962 год, многих полоснувший по сердцу, – когда на фоне вражды Китая и СССР, и еще голода по всей стране, произошли трагические события в Или и Тачэне, когда отчаявшиеся жители этих двух приграничных районов пытались бежать из Китая. А потом еще 1963, 1964 и 1965 годы, когда движение «учиться социализму в деревне» и разъяснения Председателя Мао Цзэдуна по вопросу так называемого «левого по форме, но правого по сути» уклона в этом движении дали мне возможность через литературные произведения разоблачать лживость этого «левого», показывать, как оно отравляет общество и ломает жизни людей. С одной стороны, в этом романе я не мог полностью высвободиться из-под власти всяческих ярлыков и клише того времени – культа личности, классовый борьбы, «долой империалистов» и «долой ревизионистов»; но с другой – мне все-таки удалось отойти от плоского и поверхностного, и когда все кричало о «левом», когда это «левое» все давило, – обличать его крайности и лживую пустоту. Ну и, конечно, в романе есть довольно своеобразные мои наблюдения и описания национального, религиозного, государственного самосознания, и еще в большей степени – понимание и отображение исторической судьбы уйгурского народа и жизненных перипетий.

В 1978 году рукопись романа была в целом закончена, в это же время кончилась и «культурная революция»; вся страна сосредоточилась на изблечении Цзян Цин и ее «банды четырех», на обвинениях, на бедах «культурной революции». Мой роман совершенно очевидно не отвечал духу времени. И я отложил рукопись в долгий ящик, где она и покрывалась пылью тридцать четыре года.

В 2012 году мои дети нашли рукопись на чердаке старой квартиры – к своему огромному удивлению и радости. Под их нажимом после незначительных поправок эта книга в 2013 году наконец была напечатана.

Один из критиков сказал, что автор в самое непростое для литературы время чутко услышал звуки жизни, биение человеческого сердца, музыку художественного слова – и написал эту книгу. Другой – что это панорама уйгурской жизни, так сказать, современное полотно «Вид на реку в праздник Цинмин»¹.

Чтобы эту книгу было удобно переводить и читать за пределами Китая, автор сократил ее на восемнадцать глав, а к некоторым эпизодам сделал необходимые дополнения и пояснения.

¹ «Вид на реку в праздник Цинмин» (другой перевод названия – «По реке в день поминовения усопших») – панорама XII века, созданная художником эпохи Сун Чжан Цзэдуанем. Он изобразил повседневную жизнь Кайфэна – столицы империи Сун. – Примеч. ред.

Жизнь и время не обманывают тебя (предисловие к коллекционному изданию)

Не знаю, то ли это их горькая участь, то ли счастливая судьба, но только два моих больших романа, имевшие большой резонанс, встретили немало преград на своем пути; трудные роды затянулись на несколько десятилетий. Первый – «Да здравствует молодость!» – я начал в 1953 году, закончил рукопись в 1956, первое издание вышло в 1979. Замороженным эмбрионом пролежал он почти четверть века. В 1957 году уже сделанный набор опечатали – из-за того, что в политическом смысле автор блуждал и шатался, и в конце концов упал-таки в воду. В 1962 снова отказали, основание было то, что в книге не написано про единение интеллигенции с рабочими и крестьянами.

Второй был «Пейзажи этого края», начал его я в 1973 году, рукопись закончил в 1978, в конце концов издали его в 2013; сорок лет ушло, чтобы появиться ему на свет. А это потому, что в книге выпячены классовая борьба, культ личности, борьба с ревизионизмом и прочие темы «культурной революции».

Первая книга была недостаточно революционной; другая – наоборот, слишком уж это все раздувала. Вот такой поворот... Ох, и нелегкое это дело!

И тем не менее оба произведения не скончались после продолжительной «болезни». «Да здравствует молодость!» переиздается до сих пор. Запоздавшее на шестьдесят с лишним лет произведение все-таки живет себе полной жизнью, все-таки его читает нынешняя молодежь – и оно нравится нынешней молодежи, а не только литературоведам, отмечающим его историческую ценность. Похоже, не найти другого такого везучего произведения из пятидесятых годов прошлого века!

«Пейзажи этого края» долго пролежали в пыли, но их вдруг случайно нашли – и они засверкали: выходят тиражами выше обычных, да еще и оценены – отмечены в числе лучших китайских книг 2013 года, получили в 2014 премию «Пяти жанров», а в 2015 – литературную премию Мао Дуня.

Время и жестоко, и снисходительно. Ван Мэну, который писал «Молодость», было девятнадцать; тому Ван Мэну, который писал «Пейзажи», было тридцать девять; сейчас Ван Мэну восемьдесят один, и подбадривавшая Ван Мэна писать «Пейзажи» жена уже оставила этот мир. Но эти две книги полны жизни и энергии. Время не стерло, не обесцветило их, и это большая удача. Они как раз такие, какими я их видел тогда, в самом начале, безрассудно и самонадеянно берясь за перо; ведь я так люблю жизнь, ведь мне так хочется задержать, оставить после себя свой опыт и свое понимание жизни, задержать ту пылавшую выше неба эпоху; я хочу выткать драгоценный узор этих незабываемых дней – прекрасных и кратких, в которых все было драгоценно и наивно, решительно и пылко; соткать драгоценную ткань этих дней, начав золотыми нитями и счастливыми завиточками молодой цветущей весны, а потом продолжить – ветрами и песками, ни на что не похожими пейзажами далекой окраины.

Политические ярлыки очень важны, харизма политики – в ясном и контрастном обобщении и действенности. Политика держит жизнь крепкой хваткой, и это потому, что она дает всяким общественным явлениям имена и назначает темы. Вот, например, о плохих людях в древние времена говорили: мятежник, смутьян, ослушник. Голливуд любит давать свои ярлыки: отбросы, подонки, извращенцы; в других декорациях это будут нечисть, оборотни, бесы. А мы можем назвать на свой лад: помещики, предатели, изменники и шпионы.

В те годы, когда степень политизации была очень высокой, роман с названием и темой, которые не соответствовали духу времени, мог стать причиной недоразумений, мог привести к трагическим последствиям. Однако название и тема в то же время сочетают борьбу любви и ненависти, взлеты и падения; название и тема могут быть верными, могут быть неверными, но судьба – это всегда чистая правда. В литературном произведении содержится его собственная внутренняя ценность. Вместе с этим литература вовсе не ограничивается одной темой или конкретным названием, их анализом и разбором. Литература – это (она обязана такой быть) полная жизни и любви человеческая суть, это наполненное искусством восприятие, мечта, пьянящее воображение, это полный духовной силы танец и полет, а кроме того, она должна быть живой тканью, многоликой и многообразной, созданной и наполненной знаками языка.

Особенно это относится к роману; в нем не может не быть человеческого огня, пронизанного жизненной энергией, не может не быть печалей и радостей, встреч и расставаний, сжимающих сердце; не может не быть божественного плана и хитроумных замыслов самого автора, не может не ощущаться в нем выпуклая, подобно замысловатой резьбе, фактура реальности со всеми ее подъемами и спадами; не может не быть любви и печали, потрясающих небеса и людей, или же испепеляющего пламени несправедливости и гнева; не может не быть творческого порыва и самопожертвования, глубокого чувства и глупой наивности (пусть и под фальшивыми порою ярлыками). Большой роман дает тебе шанс (в то самое время, как ты вынужденно приспосабливаешься к четким правилам имен и строгим законам темы) расправить крылья, расправить грудь, открыть для себя простор, отыскать глубину, и за игрой света и тени тех или других тем и имен – открыть огромный мир.

А потому у настоящей литературы всегда есть и иммунитет, и сила жизни, и способность все переварить, и сила возродиться из пепла.

Иммунитет – потому что она воплощает, хранит в себе с давних времен не меняющиеся ключевые элементы человека и литературы: жизнь, мелкие подробности, прямоту, человечность, добро, верность, мир, родину, общение, мудрость, любовь и понимание; даже скованная кандалами может она пуститься в безудержный радостный пляс.

Жизнь – потому что она всегда жива, ее всегда видно, ее всегда слышно, она всегда дышит живым тебе прямо в лицо, и дразнит, и соблазняет; она напитывает и ласкает тебя всей свежестью и живостью, какая только есть в эстетической вселенной, заставляет напрочь забыть, что в какой-то момент ты – это действительно было эгоистично – решил банально все бросить и начать с нуля, что есть по сути своей такое же эгоистичное и грубое дурацкое подведение итогов.

Готовность литературы переварить все – потому что она может принять и грубость, и дерзость, и ни в коем случае не надо думать, что для человеческой природы характерны только любовь и терпение, мягкость и ласковость; в особых ситуациях и обстоятельствах разрушительные и совсем не гуманные качества также нередко могут быть проявлением человеческого. Ты можешь найти общий знаменатель – две горячие искренние слезы, всегда подводящие двойную черту под гневной жестикуляцией и топаньем. «Что пройдет, то будет мило...»² – пусть в этих словах есть что-то нелепое и невысказанная печаль, но в них – главное достижение литературы, восхождение и преодоление.

Трудности и невзгоды убивают искусство, но они же для него – стимул. Увешанный флажками, актер с особой энергией и экспрессией исполняет роль военачальника на сцене пекинской оперы; чем больше колец удерживает в воздухе цирковой жонглер – тем громче аплодирует публика; только преодолевая боль и уместив весь вес тела на кончиках пальцев, балерина может создать чарующий, божественный образ; назначенная на роль злодейки юная

² См. стихотворение А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет»: «Сердце в будущем живет; Настоящее уныло: Все мгновенно, все пройдет; Что пройдет, то будет мило».

красотка-актриса играет Пань Цзиньянь, коварно убивающую невестку и брата, – и ты забываешь обо всем, кроме этой убийственной и живой красоты, и это у тебя пронзают сердце и вынимают душу...

Сила умереть и родиться заново – не только потому, что литература – это способ в нужный момент уклониться и ускользнуть от беды, она в большей мере вечная суть и жизнь человека, у нее своя абсолютная жизненная сила и абсолютное знание; она предлагает реальные вещи за реальную цену: вполне научные глубокие сведения – об истории, географии, народах, религии, человечестве, культурологии, лингвистике, о западных пределах и о краях на краю света – все добытое кропотливым исследованием и глубинным проникновением; она сводит идущее от земли дыхание и возвышенный книжный стиль; есть у нее и особые методы.

Это судьба «Пейзажей этого края» заставила меня пуститься в такие рассуждения. У меня должно получиться, я буду стараться. Все мои невзгоды делают меня совершенней; неудачи, преграды и даже поражения, если говорить о литературном творчестве, – это неоценимый источник.

Так что если жизнь обманула (?) тебя, – не тревожься. На самом деле она (и время) расшевелила, растрогала тебя; эта жизнь вдохновила, озарила, вызволила, и спасла – тебя и твою литературу.

Предисловие

Я нашел, я их отыскал: ушедшие дни и годы, канувшего в прошлое Ван Мэна, прошлую сельскую жизнь и друзей. В черном тоннеле замерцал дрожащий огонек волшебной лампы.

Пусть это и не оригинально, но по сути это та самая близкая и родная до слез жизнь, те самые золотые годы – тридцать, тридцать пять, сорок лет – те самые обычные дни, прожитые среди обычных людей; та самая земля, настолько прекрасная, что захватывает дыхание и кружится голова; живые, горячие энергичные мужчины и женщины; струны, поющие от дождя и ветра, и еще – девять раз умиравшая, но ни разу не оплаканная прекрасная мечта тех лет.

Это было жестокое и грубое время, глупое, нелепое... Вы, конечно, заметите, как добротой и чистосердечностью автор старается загладить пробивающуюся тут и там враждебность, как он солнечным светом и распускающимися цветами прикрывает иногда встречающиеся прорехи. По меньшей мере это правда эмоционального восприятия и документальных фактов, жажда увидеть и понять средствами искусства и литературы, это – опутанный цепями неудержимый порыв танца.

Взор свой вверх устремив, возвышаю я к небу свой голос... Сорок (тридцать) заслуг и чинов – словно пыль и земля. Восемь тысяч ли путь, облака и луна. Как уже стала седой голова молодая? и только одна лишь печаль!

– 1974 год, начал писать эту книгу

Вздыхать осталось мне о том, что позабыть не в силах. Лишь творчество тоску развеять может (Ду Кан).

– 1978 год, кончил рукопись

Правду прошлых дел (не) ищи в лунах, оставленных за спиной.

– 2012 год, перечитал и отредактировал

Среди невзгод все равно есть неумалимая искренняя любовь, есть ослепительный пылкий огонь.

Мы верили, и мы верим. Мы тоскуем по тому, во что верим. Всего-навсего правда, всего только жизнь, всего лишь любовь. Мы тоскуем и верим – и растем, совершенствуемся. И есть еще наивная и глупая, переполняющая нас наша прежняя молодость, и ни одной пустой страницы...

Когда мне исполнилось семьдесят восемь, я вдруг понял: как и у вас, у меня тоже была настоящая волнующая сердце молодость, и была зрелость; и у нашей страны был настоящий двадцатый век и его шестидесятые и семидесятые годы.

Действующие лица

Ильхам: начальник Седьмой производственной бригады Патриотической большой бригады коммуны имени Большого скачка; был рабочим, вернулся потом в село на производство. Главный герой этой книги

Мирзаван: жена. Ильхама; ее имя означает «любовь»

Цяопахан: бабушка Ильхама по матери; ее имя означает «утренняя звезда»

Абдулла: начальник народного ополчения Седьмой бригады, младший брат Ильхама

Шерингуль: сначала была женой Тайвайку, затем рассталась с ним и вышла за Абдуллу; ее имя означает «цветы сирени»

Кутлукжан: секретарь Патриотической большой бригады, потом – ее бригадир

Пашахан: жена Кутлукжана

Курбан: так называемый «приемный сын» Кутлукжана, на деле – ребенок-батрак

Жазат: родной отец Курбана

Асим: крестьянин-средняк, старший брат Кутлукжана

Нишахан: жена Асима, мать Аймилак

Иминцзян: сын Асима, комсомолец

Аймилак: дочь Асима, в детстве потеряла руку; впоследствии стала врачом

Исмадин: кладовщик Седьмой производственной бригады

Ульхан: жена Исмадина

Барадижан: сын Исмадина и Ульхан

Муса: бывший бригадир Седьмой производственной бригады

Ма Юйцинь: жена Мусы, национальность – хуэй

Ма Юйфэн: младшая сестра Ма Юйцинь, национальность – хуэй

Ма Вэньпин: религиозное имя – Нурхайцзы, национальность – хуэй; крестьянин. Тесть Мусы, уже покойный

Жаим: бригадир Седьмой производственной бригады Патриотической большой бригады, впоследствии заместитель бригадира

Зайнаф: жена Жаима

Турсун-бейвей: дочь Зайнаф, секретарь комсомольской ячейки Патриотической большой бригады

Абдурахман: член комитета управления Седьмой бригады

Итахан: жена Абдурахмана

Халида: дочь Абдурахмана, закончила университет в Шанхае, сбежала во время событий 1962 года

Таси: внук Абдурахмана

Майсум: прежде – начальник отдела некоего учреждения в уезде, после неудачного бегства в 1962 году понижен до работника Патриотической большой бригады

Гулихан-банум: жена Майсума, узбечка

Абас: отец Майсума, умер

Марков: отец Ленки, русский, впоследствии выбрал советское гражданство и вернулся на родину

Ленька: работник на мельнице из Патриотической большой бригады, русский

Дильнара: жена Ленки

Ясин: плотник, муэдзин; отец Дильнары

Ибрагим: здешний землевладелец в старое время, сейчас – в Четвертой бригаде

Мамед: племянник землевладельца Ибрагима

Бао Тингуй: новоприбывший крестьянин Седьмой бригады, ханец

Хао Юйлань: называлась женой Бао Тингуя, кем была на самом деле – неясно

Нияз: крестьянин из Седьмой бригады по прозвищу Нияз-паокэ (Нияз-дерьмо)

Кувахан – жена Нияза

Уфур: бригадир Четвертой бригады; прозвище – Фаньфань

Лейла: Уфура, татарка; ее имя означает «белая лилия»

Тайвайку: возчик Седьмой производственной бригады

Сархан: мать Тайвайку, в прошлом пострадала от Малихан

Салим: секретарь парткома уезда

Межид: закупщик продовольственной компании

Лисиди: бригадир Патриотической большой бригады, потом – секретарь

Салам: лесничий Седьмой производственной бригады

Ян Хуэй: прикомандированная от уездной техстанции техник при коммуне, ханька

Малихан: вдова местного деспота-землевладельца Махмуда

Мулатов: раньше – ответственный работник в округе Или, впоследствии якобы «уполномоченный» ассоциации советских эмигрантов

Чжао Чжихэн: секретарь парткома коммуны имени Большого скачка

Талиф: спецуполномоченный по общественной безопасности в коммуне имени Большого скачка

Дауд: кузнец, член бюро ячейки Большой бригады

Санир: член комитета женщин Большой бригады, член бюро ячейки

БайБалади: казах, скотовладелец

Латиф: называл себя Сатар, загадочный и опасный тип, представитель враждебных сил в Или

Закиржан: связист коммуны

Алимжан: почтальон-передовик отделения связи коммуны

Сайд: начальник тракторной станции коммуны, в молодости танцевал в паре с Ульхан

Хусейн: начальник коммуны имени Большого скачка

Инь Чжунсинь: в коммуне имени Большого скачка – начальник рабочей группы по проведению «четырёх чисток», национальность – хань

Чжан Ян: член группы по проведению «четырёх чисток», ханец

Алимамед: затаившийся враг

Сакантэ: член рабочей группы по проведению «четырёх чисток», казах

Хэ Шунь: член рабочей группы по проведению «четырёх чисток», национальность – сибо

Майнар: член рабочей группы по проведению «четырёх чисток»

Бесюр: начальник рабочей группы по проведению «четырёх чисток»

(1962 год, в Синьцзяне, как и по всей стране, был голод, в это же время все больше ухудшались отношения с Советским Союзом. В Или и Тачэне приграничные жители бежали в СССР, был страшный хаос. Закрылась часть заводов, наспех построенных в городах во время «Большого скачка», и главный герой этой книги, Ильхам, вернулся в Или, работать на селе. Пока добирался на машине домой, он встретил Салима – секретаря парткома уезда, и Межида – закупщика; по дороге они всю расхваливали Или – какой он изобильный и прекрасный. По всему выходило, что жители Или любят свой район и очень красноречивы. Доехав до Инина и сойдя с машины, Ильхам встретил Ульхан, женщину из его родного села. Ей не удалось уйти за границу, где сын и муж – она не знала и пребывала в самом жалком виде. Муж Ульхан – Исмадин, кладовщик Большой бригады народной коммуны имени Большого скачка. Он был замешан в историю с кражей зерна в большой бригаде, потом пропал во время беспорядков при попытке уйти за границу; их обоих (мужа и жену) секретарь большой бригады Кутлукжан объявил ворами и предателями Родины.)

Глава первая

Странная кража

Почему ввели комендантский час в большой бригаде

Где много деревьев – там много птиц, где много цветов – там много пчел, где много травы – там много коров и овец, а где много воды – много еды. В долине реки Или щедрая природа обильно одаривает все живое; Или – это именно такое место, где много деревьев, птиц, цветов, пчел, травы, много скота, зерна. Особенно весной. В весенний рассветный час не умолкая щебечут птицы. Кукушки весело перекликаются: красивая уйгурская легенда рассказывает, что это двое разлученных влюбленных – Зайнаф и Кулука – ищут друг друга. Бойкие воробьи ищут подружек, перелетают с веток яблони на верхушку персикового дерева, с крыши чайной беседки летят в загон для скота и таскают еду из-под ног у овец. Низкое и мягкое воркование диких голубей похоже на томные стоны уставшей от одиночества красавицы. Песня иволги, звонкая, ясная и вместе с тем нежная – так звучит трель свистульки, заполненной водой только наполовину, – разносится далеко, журча и разливаясь в поднебесном просторе. И даже внутри дома – свившие гнездо на поперечной балке под крышей комнаты Ильхама пара ласточек, муж и жена, тоже, не дожидаясь, пока совсем рассветет, наперебой щебечут, обсуждают свои дела, весенний ветер наполняет их нетерпеливым желанием выразить себя и все высказать. Старая Цяопахан любит ласточек и верит, что ласточки выбирают для своего гнезда только тот дом, где живут добрые люди. Чтобы ласточкам было удобно влетать и вылетать, плотник, когда ставил дверь, специально сделал сверху выемку – бабушка настояла.

Илийские крестьяне – кто из них не просыпался весной на рассвете разбуженный этими чудесными звуками? Пение птиц – это дыхание земли, сигнал всему живому расти и цвести, напоминание земледельцу о неотложных работах, это бодрящий ритм радостной жизни. И окруженный со всех сторон такими звуками Ильхам рывком спрыгнул с кровати. Черпаком из тыквы-горлянки он набрал побольше воды, вышел на порог и этой весенней рассветной слегка покалывающей лицо холодной водой стал бодро и весело полоскать рот, тереть лицо, руки и плечи. Он шумно и энергично плескал на себя еще и еще, чувствуя, как тело наполняется беспредельной силой.

Ильхам одну за другой выпил подряд три больших пиалы чая с молоком, так что лицо покраснелось, выступил пот, кровь побежала быстрее по жилам, и на душе стало легко и приятно. Потом он отправился в коммуну – по партийным и прочим делам.

Рабочее место для парткома коммуны и управляющего комитета сделали на бывшем дворе толстобрюхого Махмуда, местного деспота-землевладельца. В ходе борьбы за снижение арендной платы и против эксплуататоров Махмуда ликвидировали. Малихан, вдова землевладельца (о которой выше упоминалось), – это и есть бывшая жена Махмуда. Сразу после Освобождения здесь был 11-й район Народного правительства, а нынешний секретарь парткома коммуны Чжао Чжихэн был в то время замначальника района; и до сих пор еще кое-кто из крестьян по привычке называет его не секретарем Чжао, а начальником Чжао. В коммуне сейчас развернулось капитальное строительство: повсюду груды лесоматериалов, кирпича, камня и извести – начало шестидесятых, наведение порядка в экономике; и этот пейзаж радует взгляд Ильхама.

Сам Ильхам с 1951 года был членом комитета комсомола коммуны, с 1958 года – начальником производственной бригады, так что он очень близко знал всех товарищей по коммуне. Войдя во двор коммуны, он не переставая пожимал руки и отвечал на приветствия. Уйгуры – это такой народ, который придает вежливости большое значение: если сегодня еще не общались – обязательно надо поздороваться, расспросить друг друга обо всем по порядку, даже если это срочный телефонный разговор по межгороду. Ильхам же давно здесь не появлялся. Он нашел тех, кого было надо, все сделал, что было положено, а потом толкнул дверь и вошел в комнату секретаря Чжао. Там был еще один человек, сидевший напротив секретаря, – Кутлукжан, это имя Ильхам уже не раз слышал в сегодняшних разговорах.

Кутлукжану в этом году исполнилось сорок два, в последнее время он немного располнел, отяжелел. Однако лицо его по-прежнему было красивым, что подчеркивали изящные, тонкие, блестящие черные усики, тонкой полоской очерчивавшие верхнюю губу. На Кутлукжане был новехонький серого цвета френч, какие носят все кадровые работники; из нагрудного кармана торчал колпачок самопишущей ручки – совершенно ясно, что перед вами не обычный крестьянин; он поприветствовал Ильхама голосом звучным и в то же время режущим слух, с примесью высоких тонов, почти фальцета. Здоровался он тоже как городские интеллигенты: крепко сжал руку, потряс, отпустил. Потом левой рукой сделал изящный жест, приглашая Ильхама садиться.

Может, зайти попозже? Но не успел Ильхам задать себе этот вопрос, как секретарь Чжао заметил его сомнения:

– Садись, вместе все обсудим. Дело-то касается вашей большой бригады.

Кутлукжан смерил Ильхама взглядом и безмятежно спросил:

– Говорят, ты той женщине с сыном помогал вернуться? Какой же ты добрый человек! А сына она потеряла? Это ей в наказание, она это заслужила! – Он сдвинул брови и, повернувшись, с глубокомысленным и серьезным видом посмотрел на Чжао Чжихэна. – Сейчас главная задача для нашей коммуны – покончить с этим делом о воровстве. Если не решить этот вопрос, члены коммуны не смогут жить нормально. Пойдут сплетни, и дело не решится. Теперь, когда беглая жена главного преступника, Исмадина, тайком пробралась обратно, я предлагаю одно из двух: или отдать ее вышестоящим органам безопасности, чтобы ее арестовали и судили, или же нам самим в большой коммуне организовать критику и борьбу, взять эту женщину под надзор народной дружины. – Он повернулся всем телом и снова обратился к Ильхаму с тонкой улыбкой: – Брат, ты же не станешь сообщать ей об этом?

Ильхам пристально смотрел на Чжао Чжихэна, а издевки Кутлукжана будто и не слышал.

Чжао Чжихэн задумался. Собравшиеся в уголках его глаз морщины говорили о закаленном характере и пронизательности. Темное загорелое лицо. Вылинявшая синяя униформа. Ботинки времен Освобождения – на толстой подошве. Верные признаки сельского кадрового работника, выдавшего и дождь и ветер. Он заговорил на уйгурском, не безупречном, но правильно и свободно:

– Арестовать или подвергнуть критике Ульхан? На каком основании?

– Она Исмадина, она не могла не знать, чем занимался ее муж. Да и сама вела себя как предатель Родины – пыталась бежать в Советский Союз; и вдруг вернулась назад – это очень подозрительно.

– Что скажешь? – Чжао Чжихэн обратился к Ильхаму.

– Я только вернулся, ситуации не знаю.

– А Ульхан ты тоже не знаешь?

– Ульхан... – Ильхам на мгновение запнулся и продолжал: – Она из бедной семьи, во время земельной реформы была активисткой, когда помогали Корею бороться с Америкой – записалась в добровольцы; а еще ездила в уезд выступать в агитконцертах. Когда вышла замуж – погрузилась в семейные дела, Исмадин не давал ей активно участвовать в производственной

деятельности и политических мероприятиях. Я считаю, она не может быть плохим человеком. А если про Исмадина – то хоть и говорили, будто бы он связался с дурной компанией, но он тоже, в сущности, человек простой и чистый. . .

Чжао Чжихэн удивленно хмыкнул – он не ожидал, что Ильхам выскажется так ясно и прямо. В это беспокойное смутное время многие овладели искусством говорить расплывчато, уклончиво – ни да ни нет, и так и сяк – не то осел, не то лошадь, как говорится. Главное в позиции не то, правильная она или неправильная, честная или нет: главное, чтобы не было ответственности, никакого повода, никакого беспокойства себе лично, чтобы потом не утираться и не отмываться, когда полетят грязные брызги. Особенно в делах, которые прямо тебя не касаются. Ошибешься на сантиметр – а проблем получишь на километр ни за что ни про что. Вот поэтому-то и слышишь в период смуты: «да, могло быть и так», «трудно сказать», «не стану утверждать», «да ну! вряд ли. . . хотя, если подумать, то кто его знает» – и тому подобные выражения. Ну кто, скажите, в такое-то время будет говорить о других что-то хорошее?

Но еще больше удивился Кутлукжан. Настолько, что спросил по-простому, без намеков и уловок:

– Ты считаешь, что она и ее муж невиновны?

– Я могу сказать только, что раньше не замечал за ними ничего плохого. И еще вот я думаю: какой бы сложной ни была ситуация, как бы ни обострялась борьба, мы должны следовать указанию Председателя Мао – не упустить ни одного врага и не обвинить понапрасну ни одного хорошего человека. А вы что предлагаете? – задал Ильхам встречный вопрос.

– Ну да, конечно, – ответил Кутлукжан.

Чжао Чжихэн покивал, поддерживая слова Ильхама, а потом спросил как бы сам себя:

– Арестовать Ульхан. А на основании чего? Устроить публичную критику и проработку? Что критиковать и против чего бороться? Она хотела уйти «туда»? Мы считаем, что даже те, кто уже ушел, во всяком случае, большинство из них, вовсе не обязательно стали нашими врагами; ведь мы боремся с ревизионизмом, а не со всем советским народом. К тому же Ульхан вернулась сама, неважно, почему и как – но не ушла же насовсем. Она знала что-то о делишках мужа? Может, знала, а может, и не знала толком. Может быть, много знала, а может, и вовсе ничего. Здесь надо вдумчиво, тонко работать, в идеологическом плане поработать. А если ни с того ни с сего подвергать критике и прорабатывать – смешаются разные по сути понятия, пойдут показания под давлением – а от этого для раскрытия дела никакой пользы. И что еще хуже – это может повлиять на колеблющихся, присматривающихся; от идеологической неразберихи у них в головах ясности не прибавится. Не стоит забывать и об Исмадине – какая у него была роль в этой истории с воровством? Что он конкретно делал – мы так и не выяснили. . . На основании чего вы полагаете, что именно Исмадин главный преступник?

– Так ведь. . . Конечно же он. . .

– Предполагать недостаточно. Надо разобраться как следует. – Чжао Чжихэн повернулся к Ильхаму – Это хорошо, что ты приехал, нам предстоит серьезная схватка. Сейчас главная задача – выступить против враждебных сил, которые подрывают авторитет нашей Родины, – и победить. Они пользуются отдельными трудностями, с которыми мы сталкиваемся: в производстве зерна, в повседневной жизни – и смыкаются с нашими классовыми врагами внутри страны, пытаются разрушить единство народов, расколоть нашу Родину. Они главной целью своей сделали Синьцзян, особенно районы Или и Тачэн. Тому есть исторические причины, проблема не возникает на пустом месте, это все неспроста. Мы обязаны решительно и четко вести воспитательную работу: горячо любить партию, горячо любить Родину, защищать ее единство и целостность. Надо вести работу против враждебных сил внутри страны, за сохранение единства народов. Чтобы сдерживать напор врага, нужно не забывать о главном: мы имеем дело с противоречиями двух разных видов, неодинаковыми по своей сущности, надо четко различать их и действовать правильно. Мы – марксисты, мы всегда верим массам, опираемся

на массы, привлекаем на свою сторону подавляющее большинство; если не объединить большинство – врага не победить. Но пока не бьешь врага – нет возможности объединить и учить народные массы. Товарищ Кутлукжан, как обстоят дела у вас в большой бригаде, как боретесь с врагом? Какие меры применяете к «четырем элементам»?

– Они... они вроде ничего такого...

– Так что, ничего? А мы тут как раз кое-что слышали.

– Да, я вернусь и займусь там этим, надо будет... – и Кутлукжан сделал энергичный жест рукой, как будто раздавил что-то.

Чжао Чжихэн рассмеялся, а потом обратился к Ильхаму:

– Товарищ Ильхам, я слышал вчера, что вы вернулись...

– И вы еще вчера об этом узнали?

– Ночью ездил к вам в большую бригаду, там дежурные дружинники сказали. Я только что говорил с начальником Айшаньской коммуны. Мы предлагаем вот что: тебе надо войти в ячейку большой бригады, помочь в работе коммуны и производственных бригад. Сейчас надо направить внимание на борьбу с подрывной деятельностью. Сходи к товарищу Талифу у него там есть что порассказать. Ну, что сам думаешь? И ты, товарищ Кутлукжан, какого мнения?

– Ну хорошо, хорошо. – Кутлукжан встал и собрался прощаться.

– Еще один вопрос есть – члены коммуны недовольны: говорят, вы какой-то комендантский час установили? – спросил Чжао Чжихэн.

– Тут вот какое дело: когда пшеница пропала, мы потребовали от членов коммуны вечером после девяти часов не выходить со дворов – чтобы такого больше не повторялось. С сознательностью ведь ситуация сложная...

– Разве это правильно? – Чжао Чжихэн посерьезнел, но тон его голоса был по-прежнему ровным. – Не поставив в известность начальство, не согласовав с органами безопасности – так вот взяли и объявили комендантский час? А какой резонанс будет? Вы на ячейке обсудите, отмените это решение и объясните массам.

– Но... да, хорошо. Все сделаем, как советует коммуна.

– Заходи ко мне в обед, чаю попьем, побеседуем, – пригласил Кутлукжан Ильхама, выходя из кабинета Чжао Чжихэна.

– Хорошо, – ответил тот, приложив руки к груди в знак благодарности.

Очень худой, с глубоко посаженными глазами и острым, пронзительным взглядом, спецуполномоченный по общественной безопасности в коммуне Талиф разговаривал по телефону. Звонили издалека, из большой скотоводческой бригады; от коммуны туда верхом добираться дня два, не меньше. В районе Или вперемешку живут разные народы; а потому многие – особенно кадровые работники – знают несколько языков. Когда Ильхам вошел в кабинет, Талиф как раз разговаривал по-казахски с руководящим работником большой скотоводческой бригады: «Что? Забивать скот? Нельзя... Проведите разъяснительную работу, ударьте по недоям, повышайте бдительность... Что? Зачем люди из ассоциации эмигрантов СССР приехали в горы? выдавать удостоверения эмигранта кобылам и племенным быкам? Пусть катятся прочь оттуда! Скажи им – правительство нашей страны строжайше указало: самовольно раздувать ассоциацию и раздавать направо-налево удостоверения незаконно, это нарушение международных норм. Тех, кому уже выданы удостоверения, мы проверим до одного, а те, у кого на руках удостоверения, не прошедшие проверку и неподтвержденные, лишатся статуса эмигранта. Если они не прекратят эту противозаконную практику, мы примем необходимые меры для защиты суверенитета нашей страны и обеспечения спокойствия населения... Да, я и Чжао уже едем».

Талиф, почесывая лысеющую макушку, стал вводить Ильхама в курс дела о контрреволюционных хищениях в Седьмой производственной бригаде.

Вечером тридцатого апреля поднялся на редкость сильный ветер, до семи баллов. Летел песок, ветер катил камни. Днем было темно, как в сумерки. К ночи ветер усилился. В тот вечер дежурил Абдулла; около двух часов ночи (часов у них нет, поэтому время указано приблизительно) к нему прибежал крайне взволнованный Нияз и сообщил, что примерно в полукилометре или чуть больше, недалеко от дома Асима, из главного канала уходит вода – прорвало насыпь. Абдулла вслед за Ниязом побежал туда и видел, как Кутлукжан в одиночку борется с грязевым потоком. Кутлукжан крикнул, чтобы Абдулла бежал на ток, где в прошлом году молотили зерно, и притащил соломы заткнуть дыру. Абдулла побежал. Когда вернулся, вода шла еще больше, и они втроем, работая изо всех сил, только где-то через час заделали дыру. К этому времени ветер постепенно стих, до смерти уставший Абдулла вернулся в село, к амбару, где хранилось зерно. О небо! – двери настезь, замка нет. Он сразу внутрь, видит: пропало много пшеницы и мешков. Проверка потом показала, что исчезло больше двух тысяч четырехсот килограммов пшеницы и тридцать пять мешков. Абдулла бросился звать людей. Выбежав от склада на грунтовую дорогу, ведущую в сторону города Инина, Абдулла наткнулся на Леньку: тот лежал на земле без сознания, с разбитой головой. В селе Абдулла поднял на ноги почти всех членов коммуны, кто был в селе, оставил сына Асима, комсомольца Иминцзяна, охранять место происшествия, а сам верхом на лошади помчался в производственную бригаду и в большую бригаду, и сразу же доложил в коммуну. Талиф, Кутлукжан, Лисиди, Муса, Жаим, Асим один за другим прибыли на место. Ленька уже пришел в себя и рассказал, что в середине ночи услышал какой-то шум – дом Леньки стоит ближе всех к амбару – накинуд одежду на плечи и вышел посмотреть, что там такое; в темноте разглядел у ворот склада повозку на резиновых шинах и две или три темные тени, таскавшие к ней мешки; подошел поближе – но получил сзади удар по голове, упал и потерял сознание.

Талиф и его люди осмотрели место происшествия, но не обнаружили следов взлома. Рядом с кучей зерна стояли два зажженных переносных фонаря, их не успели погасить. Судя по следу колес, повозка умчалась по грунтовой дороге вдоль берега реки Или в сторону Инина. Талиф немедленно позвонил в большую бригаду «Новая жизнь», которую повозка никак не могла миновать по этой дороге, и выяснил, что местные дружинники около четырех часов утра видели повозку с сухой люцерной. Сена в повозке было немного, но лошадь тащила ее с трудом. Дружинники спросили, кто едет, и человек, управлявший повозкой, достал сопроводительное письмо, в котором значилось, что это кормовая трава, которую Патриотическая большая бригада продает транспортному кооперативу «Красный май» города Инин; на письме стояла печать большой бригады и подпись Лисиди. А на вопрос о том, почему сено везут ночью, возница отвечал, что собирались везти вечером, но из-за сильного ветра задержались. Дружинники не стали расспрашивать дальше и повозку пропустили. Позже, припоминая подробности, они сказали, что эта повозка на резиновых шинах была похожа на ту, на которой обычно ездит Тайвайку.

Пока Талиф разговаривал по телефону с большой бригадой «Новая жизнь», Лисиди и другие пришли домой к Исмадину – кладовщику, но дома были только Ульхан и ребенок. По словам Ульхан, примерно после десяти вечера Исмадина, который уже лег спать, куда-то вызвали, он ушел и не возвращался. Кто вызвал? Ульхан говорит, что не видела человека и не расслышала толком его голоса. Ульхан выглядела испуганной, на вопросы отвечала в основном коротко: «не знаю», «не помню», «не видела», «не расслышала». Да к тому же постоянно плакала.

На следующий день Талиф официально допрашивал Ульхан в коммуне. И все равно без результата.

Принято к сведению, что: 1) дом Леньки ближе других стоит к амбару, он же оказался единственным, кто был на месте происшествия; 2) отец Леньки, Марков, все время держался обособленно, холодно, совершенно не принимал участия в делах коммуны и в общественно-политической жизни, он уже уехал в Советский Союз; Мулатов из Общества советских эмигрантов, кстати, бывал в их доме; 3) еще важнее то, что, по сообщению ячейки большой бригады, у Леньки в яме под полом дома спрятано значительное количество пшеницы.

Уездное управление общественной безопасности задержало Леньку, его много раз допрашивали. Ленька категорически отрицал какую-либо причастность к событиям вечера тридцатого числа. Еще Ленька повторно заявил, что выбрал китайское гражданство, не собирается вслед за отцом возвращаться в СССР, желает выполнять все обязанности гражданина Китая и требует защиты своих гражданских прав. Что же касается спрятанной в его доме пшеницы (обыск проводили органы безопасности, нашли в подполье пшеницу, больше четырехсот килограммов), то Ленька сказал, что это осталось от отца: что-то куплено на черном рынке, что-то уворовано, пока отец заведовал мельницей, и еще кое-что получилось собрать с полей после уборки летнего урожая. Ленька в управлении безопасности уезда сделал еще одно заявление – дескать, готов подтвердить, что повозка, стоявшая той ночью у входа на склад, – действительно та самая повозка «на резиновом ходу», принадлежащая производственной бригаде, на которой обычно ездит Тайвайку. На основании всего вышеизложенного уездное управление общественной безопасности решило, что для определения Леньки как соучастника хищения улик недостаточно, и, продержав его под следствием пять дней, объявило невиновным и отпустило.

Теперь сильное подозрение пало на Тайвайку, в особенности потому, что по показаниям учетчика и конюшего Седьмой производственной бригады как раз тридцатого апреля вечером Тайвайку не пригонял повозку, а сказал, что переночует на постоялом дворе в Ичине. Особенно странным было, что именно на тридцатое не было выписано на Тайвайку никакой транспортной накладной – продовольственная компания сама вывозила груз. Что касается уплаты денег производственной бригаде за прогон повозки не по делу: судя по корешку чека, оплачено было на один день больше, но о происхождении денег за этот день пояснения Тайвайку были самые что ни на есть смутные.

Талиф как раз собирался съездить в продовольственную компанию и на месте свериться с документацией, чтобы после этого официально допросить Тайвайку.

Увидев сомнение на лице Ильхама, Талиф сказал.

– Конечно, Тайвайку мы все знаем – его происхождение, историю, личные качества, – однако у него плоховато с политическим сознанием, его легко обмануть; к тому же он любит выпить и связывается с кем попало. В последнее время он много ездил, наслушался всяких сплетен. Ячейка большой бригады докладывает, что состояние у него не такое, как обычно. Так что подозрений снимать с него нельзя. Что же касается Мулатова, то очевидно, что он связан с этим делом; да только Мулатов уехал и пропал. О ситуации уже доложено наверх.

– Итак, – сказал наконец Талиф, – во всем этом деле до сих пор нет ни одной зацепки. Одна надежда – через Тайвайку и повозку выйти на людей, которые ездили на ней и грузили ворованной пшеницей. Надо обратить внимание: это дело может быть не просто грабежом, а частью вражеского плана, подрывной деятельностью против нас при участии классового врага и предателей Родины внутри страны. Тот негодяй, кто все это затеял, похоже, прибыл из Инина или какого другого места, но они потому были такие смелые и так все складно у них получилось, что кто-то из наших местных жуликов им помогал. Исмадин, похоже, один из них: только у него были ключи от склада; но в одиночку Исмадин такое дело не провернул бы, так что есть еще участники этой бандитской шайки – и все это надо выяснить.

– А как получилось, что вода из канала прорвалась? Вы выяснили? – спросил Ильхам.

– Я спрашивал. Секретарь Кутлукжан рассказал, что этот участок канала построили в пятьдесят восьмом как продолжение основного, уровень воды здесь выше уровня земли. Он

в свое время не поддерживал такое строительство, так как это слишком опасно. Если нужны детали – расспроси его, он в то время был здесь. Ну и Абдулла тоже. Он, кстати, во время дежурства самовольно оставил пост, а это нарушение должностных обязанностей. Впрочем, у нас на селе прорыв дамбы страшнее пожара; он самоотверженно боролся с наводнением, так что же его за это – в преступники? У парня и без того тяжело на душе – ты сам не хуже моего понимаешь. Председатель Мао говорит, что общественная безопасность должна придерживаться линии народных масс, профессионалы должны вести работу по раскрытию дел вместе с народом. Надеюсь, у нас так и получится. Сейчас дел много, а сил не хватает, к сожалению. Полдня нужно только чтобы в горы добраться; а в горной местности работать надо особенно тщательно, там ведь на производстве тоже живые люди, и любая ошибка, оплошность могут иметь самые серьезные необратимые последствия.

– Я еще хотел спросить: вы в курсе ситуации с Малихан?

– В марте, говорят, она стала немного задирать хвост. А со второй половины апреля вроде бы болеет – постоянно лежит, не встает с постели.

– Понятно. – Ильхам встал. – Если что-то еще потребуется – снова навещу вас.

Глава вторая

Утиный хвост, сын и высокие ботинки

Господин Максимов из Общества советских эмигрантов

Кутлукжан недавно переехал – поселился в доме из только что построенной первой очереди нового жилья по плану развития, прямо через дорогу от штаба большой бригады. Ворота свежевыкрашены темно-бордовой масляной краской, на створках – два кольца. Плотно закрыты. Ильхам постучал пару раз, потом громко крикнул и в ответ услышал беспорядочное щенячье тьяканье. В легкой рубашонке, в закатанных высоко и забрызганных грязью штанах худющий мальчишка открыл ворота и, не ответив на приветствие – даже не посмотрев на Ильхама, – тут же снова прыгнул в глинистую жижу и продолжил месить ее босыми ногами. На просторной совершенно новой веранде появился Кутлукжан. Он громко со смехом приветствовал гостя и повел его в дом.

– Входи-входи! Садись! – Кутлукжан распахнул дверь комнаты.

– Спасибо, не стоит! – с поклоном вежливо отказывался Ильхам, усаживаясь скрестив ноги скрестив ноги и усаживаясь на уголок кана³. Первым, что бросилось в глаза, была изящная клетка на подоконнике. В ней сидела птица с белой головой и черным оперением.

– Смотри, я стал женщиной! – Кутлукжан указывал на край кана, где на разделочной доске были только что нарезанные баранина, лук и картошка, а в пиале замачивались вяленые помидоры и сушеный красный острый перец. Как оказалось, он готовил.

– Я слышал, что вы мастер готовить. А разве уважаемой Пашахан нет дома?

– Твоя уважаемая сестра пошла в село на работу.

– Как она? Здорова ли? – Ильхам вспомнил, что жена Кутлукжана Пашахан всегда выглядела понурой и изможденной.

– Даже если и нездорова, что с того? Сейчас члены семей кадровых работников должны первыми выходить на работу. Тут уж ничего не поделаешь! – Кутлукжан потыкал пальцем в свой висок. – Вот где у членов коммуны все проблемы. И немаленькие! Очень низкий процент выходит работать, а те, кто вышел, работают кое-как.

Кутлукжан большим, похожим на кинжал традиционным уйгурским ножом закончил нарезать овощи, снял закипевший чайник, разворошил угли в очаге и стряхнул золу с решетки, отчего огонь разгорелся ярче. Он взял кухонную тряпку и стал протирать котел, чтобы поставить его на огонь.

– Рано еще, – сказал Ильхам.

– Что рано, что поздно? У нас на селе никогда не смотрят на часы. Захотел есть – ешь, есть что пить – пей, гость пришел – готовь обед!

Кутлукжан достал бутылку литра на три, налил булькающего масла в котел.

– За что ни возьмись – без масла никак. – Кутлукжан держал наготове черпак, ожидая, когда масло начнет дымиться, и рассуждал вслух: – Люди заставили шайтана из песка плов варить, а шайтан говорит: «Масло давай!» – значит, если есть масло, можно даже из песка вкусный обед приготовить. А в нашей жизни и в работе есть свое масло – слова. Умные, красивые,

³ Кан – распространенная в Китае и Корее традиционная система отопления крестьянских домов. Представляет собой широкую лежанку, внутри которой проходит горячий воздух от печи. Печь находится у одного из концов лежанки. Сверху кан накрывается циновкой. – Примеч. ред.

увлекающие, которые заставляют все колесики послушно крутиться, – правильно я говорю, брат?

Ильхам улыбнулся.

– Правильно! Это вы очень верно сказали, – похвалил он. Масло нагрелось, Кутлукжан бросил в него мясо, тут же зашкворчавшее, и стал перемешивать. Помещение наполнилось запахом горячего рапсового масла и баранины. Кутлукжан продолжал:

– Беда старины Лисиди в том, что именно этого он и не понимает. Когда он делает что-нибудь, то делает вроде как на сухую – жарит всю, печет, а масла не добавляет, вот и получается сухо, жестко. В позапрошлом году, в самом конце года, начальник отдела в уезде, Майсум, и еще с ним несколько человек, приехали к нам в большую бригаду – выпрямлять работу кооперативов. Ну, выпрямлять так выпрямлять, такая сверху политика, это у нас каждый год. Мы ведь кадровые работники, проверяйте-критикуйте: бюрократизм, неправильное планирование, недостаточное внимание... Раза два каждый год такие проверки и критика. «Товарищи члены коммуны!» «Братья-сельчане!» – Кутлукжан со знанием дела воспроизводил интонации и шаблоны. – Наш уровень еще очень низкий! У нас еще много недостатков, и нам так стыдно, мы словно свалились в грязную канаву, пожалуйста, помогите нам, выгачите нас из этой грязной канавы!» – ну и в том же духе, разве это так сложно? А Лисиди – нет, он всегда будет стоять насмерть и упираться рогом – это вот можно проверять и критиковать, а это вот нельзя, вот это – можно осуждать, а вон то нельзя отрицать... В результате разозлил начальника Майсума...

– Лисиди неправильно поступил? – с сомнением спросил Ильхам. – Председатель Мао тоже говорит, что партия больше всего ценит искренность. Лисиди – хороший товарищ...

– Конечно хороший товарищ! – посерьезнев отвечал Кутлукжан. – Мы вместе работаем больше десяти лет! Честно говоря, я бы хотел, чтобы он был первым, главным, а я – вторым, его помощником. Большие дела – ему, а я бы занимался капитальным строительством, подсобными промыслами, организовывал бы работников и материалы на строительство каналов – и было бы ладно и мирно. Но так вышло, что сейчас ноша секретаря свалилась на мою голову. А ведь есть и такие, которые скажут, что я хотел быть первым и копал под Лисиди.

– Разве так можно? Бессмыслица!

– Ты, значит, так не считаешь? Хороший ты, брат! Но некоторые так думают. Ты, наверное, еще не знаешь – у нас ведь «голова замотанные», как раньше говорили (уйгуры и сами так себя в шутку называли из-за обычая носить чалму)... Если ты рассердился – значит, силы у тебя нет, глаза маленькие, ты нетерпим к людям; ты стал секретарем, на тебя смотрят – видят, что ты сердисься... хо-хо!.. Так не пойдет! Только что сам ведь видел, в коммуне? Ладно, не будем устраивать комендантский час; но раз пропало зерно – значит, все под подозрением!

– Как это все под подозрением? Подозревать всех? Почему?

– В ту ночь дул сильный ветер; а чем сильнее ненастье, тем беспокойнее на душе у тех, на ком ответственность лежит. Я сел на лошадь и поехал по селу смотреть, не случилось ли чего. У дома брата Асима смотрю – о Небо! – в стенке большого канала размыло дыру. Дальше смотрю – Нияз, который отвечает за полив, спит как убитый! Я его разбудил, послал звать людей на помощь – дамбу заделывать. Кто ж знал, что он приведет Абдуллу, который был на дежурстве, а эти негодяи воспользуются тем, что сторожа нет, и уворуют зерно? Это значит, что и я, и Нияз, и Абдулла – все под подозрением. Мало того, некоторые подозревают и Лисиди...

– Почему Лисиди?

– Как, ты еще не знаешь? – Кутлукжан понизил голос. – Талиф разве не сказал тебе? Грабители, когда уносили ноги, имели при себе бумагу с подписью Лисиди. И еще говорят, что с Уфуром проблемы.

– С каким Уфуром?

– Ну с каким же еще! С начальником Четвертой бригады. Уфур-фаньфань. Фаньфань – потому что раньше разводил голубей, которые – «фань-фань» – кувыркаются в воздухе; а тут его зовут Уфур-спорщик, потому что он упрямый и всегда другим перечит. Не знал?

– И что с ним?

– Как пропало зерно, так с тех пор лежит дома и на работу не выходит. Говорят, он тоже получил документ советского эмигранта; тесть его из Казани прислал ему письмо... О Небо мое! я и сам уже запутался – кому теперь верить? Советский Союз был лучшим другом китайского народа, а теперь наоборот – враг, и не просто, а заклятый враг – ты представляешь? А наши сельчане, наши соседи, братья наши – сегодня они китайцы, а завтра уже стали иностранные эмигранты...

Кутлукжан сокрушенно покачал головой и вздохнул.

– Зачем так расширять круг подозреваемых? – спросил Ильхам.

– Правильные слова! Никому это не нужно. Нельзя все руководство большой бригады обвинять, это как будто мы сами украли. Мы лучше скинемся и возместим пропажу.

– А так разве можно? – удивился Ильхам.

– Нельзя, конечно, надо расследовать до конца! Нужны улики и доказательства, чтобы вывести негодяев на чистую воду. Только откуда их взять? Негодяи-то уже «туда» убежали.

– А вы утром говорили, что надо арестовать Ульхан...

– Конечно, надо. Если не ее, то кого? Разве ее можно отпускать? Ах ты ж!.. – Кутлукжан учуял запах горелого и сорвал крышку. – Вот беда, пригорело! Твою-то...

Вот такой он, Кутлукжан, непонятный. То совершенно серьезный, сосредоточенный, то рассеянный и безалаберный; вот сейчас у него все четко, рассудительный – а через минуту пышет жаром, одни эмоции. Бывало, на собрании начнет критиковать кого-нибудь – и глаза сверкают гневом, и лицо как из железа – ничего личного, но потом, когда этот раскритикованный придет в себя и станет оправдываться, – Кутлукжан уже весело смеется и бьет его по плечу или толкает в бок. Однако в следующий раз снова может задать хорошую взбучку. Ильхам Кутлукжана не один год знает, но так и не может понять его до конца. Его слушать – как по лабиринту ходить: тут тебе и марксизм, и Коран, да впридачу притчи и разные истории, в том числе из личного опыта, дельные советы и просто болтовня; не поймешь, когда он говорит серьезно, а когда шутит или нарочно выворачивает все наизнанку. Он может быть с тобой крайне открытым и дружелюбным, жаловаться на свои проблемы и даже делиться секретами, давать искренние советы, честно и по-доброму. А в другое время он вдруг на людях начнет тебя провоцировать, выщучивать довольно резко, мешая пополам правду и вымысел, так что и не знаешь, куда деться. Например, он может при всех ни с того ни с сего сказать тебе: «Все слышал от людей! В тихом омуте, как говорится... Ты, товарищ, поосторожней! К тебе накопилось много вопросов – говорят, ты беспорядочно вступаешь в отношения с замужними женщинами!» А если не реагируешь, продолжит: «Мы уж все уладили, что ты натворил, но будь поосторожней, в следующий раз так не делай!» Если же ты растерялся и смутился, или, наоборот, возмутился и стал возражать – тогда он закатыт глаза, скорчит рожу и, запрокинув голову, рассмеется так, что дойдет до кашля и слез, а потом повернется и пойдет искать новый объект для шуток...

К образу Кутлукжана примешивалась одна тень, одно воспоминание, от которого Ильхаму и хотелось бы избавиться, но никак не получалось; так, одно небольшое событие из детства, мелочь, пустяк... Мелочь она и есть мелочь. Но сегодня, выйдя из коммуны, Ильхам всерьез размышлял: принимать или не принимать приглашение Кутлукжана прийти к нему домой выпить обеденного чая; он уговаривал себя, что нельзя из-за мелких эпизодов прошлого сомневаться в товарище по партии – к тому же одном из руководителей большой бригады; особенно сейчас, когда обострилась борьба, на каком основании ему держаться отстраненно

и настороженно по отношению к секретарю партячейки? Так он и добрал до ворот Кутлукжана. Однако, послушав его, Ильхам снова почувствовал поднимающуюся откуда-то изнутри волну неприятия. Как он ни предупреждал себя, что нельзя подменять чувствами партийные принципы, все-таки внутренний голос ему твердил: «Все знают: хитрая лисица обманывать и вправду мастерица!»

Лепешки, чай и мясо были уже на столе. Вдруг раздался хохот, и в раскрывшуюся дверь вошли двое: мужчина и женщина, ханьцы.

– Секретарь якши⁴? – сказали они одновременно.

Мужчине было за пятьдесят. Высокий, худой, слегка сутулый. Со шрамом на лице, в круглых очках в черной оправе. У женщины все лицо морщилось от смеха, и только войдя в комнату она согнала с него выражение буйного веселья.

– Это Бао Тингуй, наш новый член коммуны, хороший мастер, – представил Кутлукжан.

– Моя жена, – сказал Бао Тингуй, указывая на женщину.

– Меня зовут Хао Юйлань, – сказала та громко и не робея. Ильхам уже встал, вежливо уступая место, и эти двое, совершенно не церемонясь, тут же уселись поудобнее.

– Это Ильхам, прежний начальник вашей Седьмой бригады, – представил Кутлукжан Ильхама по-китайски. – Он только что вернулся из Урумчи. Товарищ Ильхам не то что я – он очень принципиальный человек. Вам следует внимательно слушать его указания, не то он вас быстро поставит на место, ха-ха-ха!..

– Пожалуйста, окажите нам помощь, начальник Ильхам – не оставьте своим вниманием! – Услышав слова Кутлукжана, эти двое поспешно изобразили смиренные улыбки и снова стали жать Ильхаму руку.

– Они живут на селе, днем приходят работать сюда, в большую бригаду, а на обед домой ходить не могут – вот я и зазываю их иногда на чай; укрепляю, так сказать, межнациональное единство. Кое-кто говорит, что Кутлукжан имеет особенную склонность к ханьцам, но я на это не обращаю внимания...

Бао Тингуй, похоже, понял, о чем говорил Кутлукжан; он поднял большой палец и сказал:

– Секретарь – вот такой руководитель!

Ильхаму вспомнилась история, которую рассказывал Тайвайку про «высокие ботинки». Только что по пути сюда он, оказываясь, видел мастерскую Бао Тингуя. На мастерских коммуны установили новую вывеску: «Ремонт автомобилей, ремонт радиаторов, горячая вулканизация, электро- и газосварка, полный перечень услуг!». На вывеске были криво нарисованы грузовой автомобиль и два колеса. Он бросил взгляд на Бао Тингуя и его жену, которые, оказываясь, тоже внимательно разглядывали его. Ильхам слегка улыбнулся:

– А вы – вы сами-то откуда?

– Старина Бао – из Сычуани, – ответил за него Кутлукжан.

– Я с шестнадцати лет выучился чинить машины, вот уже тридцать лет этим занимаюсь. В шестидесятом году в наших краях было очень плохо, жизнь была тяжелая – и я перебрался сюда, в Инин, родственники приютили, не было прописки, не мог устроиться на работу. Ездил на ослике на шахты, собирал угольную крошку, продавал на базаре – тем и жили. Я свое дело знаю, инструмент есть, кислородные баллоны, сырой каучук – а не мог найти себе применение. В конце концов услышал, что у нас в большой бригаде хотят сделать ремонтные мастерские, попросил знакомых рекомендовать, приехал сюда и стал членом коммуны. Доход от ремонта весь отдаю в коммуну...

– Старина Бао полгода как приехал, уже сдал выручки семьсот юаней, – добавил Кутлукжан.

⁴ Якши (уйг.) – «хорошо». Здесь: «все хорошо?». – Примеч. ред.

– Семьсот юаней – это мелочь. Можно и семь тысяч, и семьдесят заработать. Естественно, деньги не главное – я хочу найти себе применение, с пользой трудиться на общее благо.

Кутлукжан покивал и сказал:

– Есть у нас поговорка, что для мастера весь мир открыт. Мне помнится, и у ханьского народа есть похожая. Работай хорошо, а мы тебя не обидим. Я вот думаю прислать к тебе пару молодых ребят – пусть у тебя учатся.

– Нет-нет, это не пойдет! – Бао Тингуй замахал руками. – У меня есть такой недостаток – не складываются отношения с учениками; а теперь с возрастом совсем стал плохой характер. Нет у меня сил учениками заниматься.

– Как же вы в одиночку управляться будете? Я только что проходил мимо мастерских, видел вашу вывеску. У нас в большой бригаде еще нет электричества, как же вы будете делать электросварку? – поинтересовался Ильхам.

– Хе-хе!.. Сварку можно на стороне делать, раз уж на то пошло; я буду брать заказы и отдавать в другое место, за плату...

– В другое место? Какое?

– Да много таких мест, – уклонился Бао Тингуй от прямого ответа.

– У старины Бао много вариантов, а Хао Юйлань к тому же – врач, они оба на многое способны!

Кутлукжан, как будто вдруг вспомнив о чем-то, толкнул дверь и крикнул:

– Курбан, сынок! Иди к нам, выпей чаю!

Через довольно продолжительное время вошел мальчишка, который мешал глину босыми ногами. Опустив голову, он робко пристроился внизу, на коленях, взял пиалу, медленно стал крошить в нее кусочки лепешки.

– Вы его еще не видели? Это мой сын. – Кутлукжан указал на мальчика.

Сын?! Ильхам остолбенел. Кто не знает, что у Кутлукжана только одна дочь, и та – дочь Пашахан! Она давно выросла, и уже лет пять как ее отдали замуж в уезд Чжаосу.

– Это ребенок младшего брата Пашахан, в прошлом году отдали его нам; из Южного Синьцзяна, – вполголоса пояснил Кутлукжан.

Курбан зачерпнул чаю и налил себе в пиалу, не стал брать палочки, а, нагнувшись, стал отхлебывать прямо из пиалы.

– Сколько тебе лет? – спросил Ильхам.

Курбан не издал ни звука.

– Уже двенадцать, – ответил за него Кутлукжан.

– Поешь! – Ильхам протянул Курбану палочки, тот молчал. И палочки не взял.

Бао Тингуй и Хао Юйлань как будто вообще не замечали его существования. Они ели с хорошим аппетитом, и не просто ели, а ковырялись в общей тарелке, палочками выбирая мясо, так что скоро там остались одни овощи.

– Не совсем нормальный. Вроде как немой. – Кутлукжан принял палочки вместо Курбана. – Поешь мяса, слышишь? – Курбан по-прежнему не ел.

– Ну, будь по-твоему, молодым вредно есть много мяса, горючит⁵.

– Мясо невкусное, – Бао Тингуй обнажив зубы извлекал застрявшие мясные волокна и рассуждал: – Ну кто так готовит баранину? Без соевого соуса, без лука, чеснока, имбиря, душистого перца, винной приправы? Оно бараном воняет!

– Дурак! Если готовить так, как он говорит, вкус настоящего мяса пропадет! – подмигнув Ильхаму, сказал по-уйгурски Кутлукжан, и, продолжая улыбаться, говорил уже Бао Тингую: – Конечно-конечно! В следующий раз попросим, чтобы Юйлань готовила.

⁵ По традициям китайской медицины баранина относится к «теплым» продуктам – то есть тем, которые увеличивают энергию в организме. – Примеч. ред.

Обед прошел невесело. Скванность Курбана, неотесанность Бао Тингуя и неискренность Кутлукжана оставили какой-то надоедливый привкус, который было трудно проглотить. Как будто в лепешки попала зола, к мясу примешали резину, а в пиале чая с молоком побывала муха. Сделав последний глоток чая, Ильхам накрыл пиалу ладонью, показывая, что уже сыт. Он подался назад и прислонился к стене, задумчиво глядя перед собой.

– Хочешь вздремнуть? – Кутлукжан тут же достал тюфяк и подушку и подложил за спину Ильхаму. – Прямо здесь и поспи часок.

– Нет, не буду. Так, задумался. Мне надо в село.

Ильхам поднялся и пошел на двор.

– В село, зачем? Что там делать? – не отставал Кутлукжан.

– Работать.

– Да ты только вчера ночью приехал! Три дня ты, считай, гость. Вечером придет Пашахан, приготовит лапшу...

– Спасибо, не стоит. Я еще хочу повидать всех членов коммуны...

– Нет! Ты не можешь уйти, ты не должен уходить!.. К тому же вот еще – во второй половине дня я хочу собрать членов ячейки. Секретарь Чжао сказал, что ты должен войти в ячейку.

– Давайте проведем попозже, вечером, ладно? Сейчас сезон работ, каждый час дорог.

Пока они препирались, собачонка вдруг снова залилась звонким лаем. Не дожидаясь распоряжений, Курбан поднялся и пошел открывать ворота. И в них вошел, пошатываясь, переваливаясь с ноги на ногу, одетый в несвежий серо-коричневый костюм, при бежевом галстуке, затертом до дыр, человек со светлыми волосами на голове и с плоским лицом.

– Начальник Майсум! – радостно-удивленно воскликнул Кутлукжан.

– «Начальник» и прочее – ушло и не вернется, – «Майсум» провел ладонью по лицу. – Максимов, Общество советских эмигрантов, – представился он.

Каких только странных событий не происходило в Или в 1962 году! Член коммунистической партии Китая, начальник Отдела собрания народных депутатов уезда товарищ Майсум вдруг за ночь стал иностранным господином Максимовым.

Кутлукжан изменился в лице, Ильхам искоса холодно наблюдал за ним. Бао Тингуй подмигнул жене и незаметно отошел.

– Ты – ты что говоришь? – Голос Кутлукжана подрагивал.

– Сейчас я – Максимов из Общества советских эмигрантов. Я на самом деле татарин. Моя родина – там, в Казани.

– Ты... зачем пришел? – спросил Кутлукжан.

– Эй-эй-эй! Такими вопросами надо встречать гостя? Такое ваше уйгурское гостеприимство? Я все-таки ваше начальство, дорогой братишка Кутлукжан! – От Майсума сильно пахло спиртным; он, подскакивая как в танце, подошел и хотел обнять Кутлукжана за шею, но тот уклонился.

– Какая разница, кто я – Май сум, начальник Отдела уездного собрания, или товарищ Максимов, эмигрант из СССР, из Татарской АССР в составе РСФСР? Я – ваш друг, родственник и брат. Завтра-послезавтра я уеду на родину, а сегодня пришел проститься со старым другом. Это культурно, по правилам и по мусульманским обычаям. До свиданья! Желаю вам оставаться мной довольными...

Кутлукжан посмотрел на Майсума – тот принял позу вежливо прощающегося человека. Тогда он перевел взгляд на Ильхама – Ильхам оставался невозмутимым. Кутлукжан, закатив глаза и не сдавая позиций, сказал:

– Если вы вежливо пришли, чтобы вежливо проститься, то я так же вежливо прошу вас пройти в дом. Однако вы уже видели – у меня идет строительство, а это совершенно очевидно

доказывает, что я – китайский гражданин, жил и всегда буду жить в Китае, и если вы собираетесь подстрекать...

– Вздор! Какая чушь! – Майсум замахал руками.

– Тогда – прошу! – Кутлукжан распахнул дверь.

– Прошу! – Майсум жестом приглашал Ильхама войти первым.

Интересный поворот! Чего же хочет этот отказавшийся от предков человек? Стоит посмотреть. Думая об этом, Ильхам слегка улыбнулся и медленно вошел.

– А вы... – вопросительно посмотрел на него Майсум.

– Ильхам. Вы же о нем слышали... – ответил за Ильхама Кутлукжан.

– Да, Ильхам, верно. Хорошо. О-цинъ ха-ла-шо! – на плохом русском подтвердил Майсум. – Я слышал. В прошлом году я приезжал сюда работать и от многих слышал о вас. – Майсум протянул руку, но Ильхам не обратил на нее внимания.

– Вы враждебно относитесь ко мне, потому что я выбрал гражданство Союза Советских Социалистических Республик? Это нехорошо, это недопустимо! Коммунисты являются интернационалистами; к тому же Советский Союз и Китай – дружественные государства. Да и вряд ли много в мире народов, которые так же близки, как татары и уйгуры.

– Вы – советский человек? – вдруг строго спросил Ильхам и сурово взглянул прямо в глаза Майсуму.

Майсум невольно опустил голову:

– Я... да.

– Вы – татарин?

– Я... да. – Майсум не сдавался.

– Тогда скажите, пожалуйста, на татарском: «Я – советский человек, а не китайский гражданин».

– Я... я... Что вы имеете в виду?! – Майсум выставил вперед руки, как бы сдерживая его напор.

Ильхам презрительно фыркнул.

– Я пойду приготовлю чего-нибудь! – Кутлукжан развернулся к двери.

– Нет, погодите. – Майсуму было страшно оставаться один на один в комнате с Ильхамом. – Если есть вино, то налейте мне как гостю стаканчик. – Затем он повернулся к Ильхаму – Как вам будет угодно, но я пришел проститься, из дружеских чувств.

– Из дружеских чувств к кому? При чем тут интернационализм? Две китайские тыквы с одного китайского поля! Что это за спектакль?

Кутлукжан достал бутылку, налил стакан и, подавая его Майсуму, предостерег:

– Как хозяин я еще раз требую, чтобы в моем доме вы больше не говорили ни на какие другие темы, кроме прощания.

– Хорошо-хорошо! За здоровье! Пожелайте мне счастливого пути! Но помните: великая страна всегда ждет в свои объятия синьцзянских уйгуров.

Ильхам громко и резко рассмеялся, так что напугал Майсума, уже поднесшего стакан к губам. Ильхам, смеясь, указывал пальцем на Майсума:

– Эй, дружище, приятель! Вы о чем? Не надо так выпячивать грудь! Что вам нужно, в конце-то концов? Уезжаете – так уезжайте. Вы кто? Вы собираетесь от чьего имени говорить? Много выпили? Но мы-то не пили.

– Какой некультурный кашгарец... – Майсум поставил стакан на кошму и примирительно продолжал: – Да, конечно, я не могу говорить за Советский Союз; от имени великой страны Ленина говорит Никита Серге-... – говоря, он снова взялся за стакан.

Ильхам расхохотался:

– Ты о Хрущеве? А вы его видели? Ну и ступайте к нему!

– Вы смеете... да кто вы такой... – Майсум не мог сдержать себя, руки его задрожали, и содержимое стакана расплескивалось через край.

Я Ильхам, член Коммунистической партии Китая, руководимой Председателем Мао.

Услышав имя Председателя Мао, Майсум уронил стакан на кошму, и его содержимое разбежалось по войлоку жемчужинами капель.

– Вы – жалкие сарты! Вы дикие, невежественные кашгарцы! У вас нет легковых автомобилей, нет национального достоинства! Посмотрите, какие вы нищие!..

– Прошу покинуть мой дом! Вон отсюда! С этого дня я тебя больше не знаю! – закричал Кутлукжан.

Майсум поднялся, а Ильхам шагнул навстречу и сказал, глядя ему прямо в лицо:

– Тебе ли рассуждать о национальной гордости? Ты еще не выучился как следует говорить с русским акцентом! По-татарски ты говоришь хуже меня, а хочешь выдать себя за татарина. На кого вы похожи! И это новое имя – ну какой из тебя Максимов? Эх, Майсум, Майсум! Не будем теперь рассуждать, почему другие товарищи когда-то прибавляли к своим именам окончания на русский манер. Но ты – ты же сейчас решил надеть чужой наряд. Не уходи, дослушай меня! Ты же клоун, ты смешон! Боишься сам себе признаться, что ты – уйгур, а начинаешь говорить о национальной гордости! По твоему виду, речи сразу можно понять, что ты никакой не татарин. Будешь и дальше убеждать меня, что ты знаешь татарский язык? Ты столько лет прожил в Китае, пил чай, ел соль Китая, у тебя в Китае без счета родных и знакомых... Мы, уйгуры, только в Китае под руководством Председателя Мао получили уважение и достойное место, начали светлую, счастливую новую жизнь! Если действительно у тебя есть гражданство СССР, конечно, возвращайся туда, мы готовы проводить тебя. Если ты хочешь ехать, а в Советском Союзе готовы тебя встретить, – это твое дело. Но не надо устраивать представление, не строй из себя иностранца, хорошо, брат Майсум?

У покрасневшего Майсума даже уши горели; невнятно что-то бормоча, он попятился прочь. А Кутлукжан громко кричал ему вслед:

– Катись отсюда! Ни стыда у тебя, ни совести!

– Нет, погоди! – Ильхам шагнул к Май суму. – Ты еще говоришь об интернационализме, о дружбе Советского Союза и Китая. Ну ладно, надеюсь, ты там найдешь себе друзей. Но если вы и там будете пытаться важничать и выпячивать грудь, как сейчас – то не встретите и там от людей ничего кроме неприязни и отвращения! Придет день, и ты получишь по заслугам...

Майсум вытаращил глаза и вдруг выбежал во двор, как обьевавшаяся соленой рыбой кошка, – его рвало; потом он доковылял до ворот, распахнул их и пустился прочь так, словно кто-то гнался за ним.

Глава третья

Любовь по-русски в Или

Кто следил за Ульхан

– Ой! Начальник Ильхам! Ох, брат Ильхам... Вот никак не ждал такого, не думал даже, что ты придешь ко мне в дом. Я знаю, что ты вернулся, – на мельнице все новости услышишь. Думал ли я, что ты захочешь меня увидеть? Нет, по правде говоря, не думал. Кто захочет теперь прийти сюда, на берег реки, чтобы проведать русского, только что выпущенного из тюрьмы? Со мной до сих пор не решаются даже разговаривать, не здороваются за руку... Но нет, я ждал, что ты придешь. Ты ведь не как все, ты же член партии, ты – коммунист. Коммунисты хотят освободить всех людей, значит, у вас в сердце есть место для целого мира, для всей страны. У великого Китая есть Синьцзян, в Синьцзяне есть Или, а на берегу реки Или есть я – одинокий русский человек. Тебе есть до меня дело, и тебе не все равно, что со мной, правда?

Нет-нет, вы пока ничего не говорите, дайте сначала я все расскажу. Да, я одинок. Раньше было время, когда они были одинокими – эти белые русские, которые ненавидели Ленина, Сталина, ненавидели большевиков и Советское государство, они, разбросанные по всем уголкам света, были одинокими. Сейчас они радостными рядами едут «домой». А я остаюсь здесь один.

Начну с отца. Марков, в этом году ему шестьдесят три. В Октябрьскую революцию ему было восемнадцать. Они с моим дедом бежали из Владивостока в Корею, потом из Кореи в Северо-Восточный Китай, перебивались в Харбине и Чанчуне, были в Циндао и Шанхае. Кто был мой дед? Может быть, старый русский аристократ? царский офицер, секретный агент? а может – палач нерусских народов на Дальнем Востоке? Я не знаю, я не видел деда; а отец никогда о нем не рассказывал. Но знаю, что Ленина и Сталина отец ненавидел до мозга костей. Когда он видел пятиконечную красную звезду, с ним делались припадки; и у нас дома нельзя было держать серп, потому что он на флаге у коммунистов. Тридцать с лишним лет назад моя старшая сестра умерла в Шанхае, а отца нанял китайский торговец и послал с караванами в Синьцзян, в Или. Через полгода только добрались. Я родился в Или; мать после родов умерла от горячки, а меня выкормила своим молоком добрая китайская женщина – я бы умер без матери. Может быть, с молоком китайской женщины я и впитал в себя что-то. Конечно, вы этому не верите, это же ненаучно. Только я этого никогда не забуду.

За тридцать с лишним лет мой отец – и я потом вместе с ним – чего только не делали здесь, в Или. Разводили пчел, чистокровных голландских молочных коров, делали квас – его тут путают с пивом, – пекли длинный черный хлеб и круглый белый хлеб, строили мельницу и работали на ней; белили дома – в Или считают, что русские женщины лучше всех белят стены. Но никогда и никто из белых русских и их детей не работал, во-первых, на заводе, во-вторых – на земле. А почему так? Наверное, есть много причин, я знаю одну: потому что мы были готовы в любой момент уехать; мы не собирались оставаться здесь.

Мой отец прожил в Или больше тридцати лет, и все эти годы он жил как на вокзале; этот край был для него только большой зал ожидания. С тех пор, как я себя помню, он все время говорил, что собирается уехать. То в Австралию – в Австралии жила какая-то моя двоюродная сестра; то в Аргентину, где жил какой-то мой дядя. Были еще Канада, Штаты, Бельгия...

Только одной страны отец никогда не называл – Советский Союз. А потом через какое-то время двоюродная сестра писала в письме, что они все сидят без работы и живут на жалкое

пособие, так что нам лучше не приезжать; еще через какое-то время из Аргентины пришло письмо: кажется, иммиграционные службы не давали разрешения. И еще какие-то письма приходили, вроде, что идет мировая война, а во время войны приехать из-за границы – это значит попасть под подозрение, что ты агент или шпион... Короче говоря, никуда он так и не уехал.

А самое страшное было, когда однажды сказали, что СССР объявил, будто приглашает вернуться всех русских, разбежавшихся по свету после Октябрьской революции; что будто совершенно не будут их преследовать за дела их отцов и политические взгляды за границей... Многие семьи, такие как мы, вернулись, а потом связь с ними потерялась. О, я знаю, вы мне не верите! ну ничего – правда или нет, неважно! – я желаю счастья всем русским, во всех уголках мира.

Эх, брат Ильхам, если б ты знал, как я вам завидую! Вы – уйгуры, казахи, сибо, дунгане, ханьцы – вы не знаете, что такое быть чужим, каждую минуту жить наготове, что тебя попросят из этого «зала ожидания»; не знаете, как это ломает! Вы все живете, куда-то спешите, чем-то заняты... радуется, печалитесь, потому что рядом у вас – ваши близкие, друзья, ваша земля, леса, реки, ваше небо, одним словом – родина. Вы плачете и смеетесь, любите и ненавидите не сами по себе. А если у человека все вокруг никак с ним не связано, то как ему жить? Съел что-то сладкое – и что с того, кому об этом сказать, поделиться? Во рту горько? Кроме тебя самого никто об этом не знает. Получается, что мы живем только для себя, чтобы прокормить свой живот. Мы, значит, уже не люди, а живот на ногах? Мой отец столько лет прожил в Или, он никогда не говорил про кого-нибудь, что тот «хороший» – как можно сказать «хороший» про того, кто тебе безразличен, кто с тобой ничем не связан? И слова «плохой» тоже ни про кого не говорил – он, другой человек, тебя не касается. Мы никогда не обсуждали, какая звезда в Млечном пути красивее, потому что это было неважно. Ярче – да, по ней можно определить направление. Отец знал одно только: у этого можно взять столько-то денег и таким-то способом, а у того – другим способом. А деньги – чтобы накормить живот, и только. В Или белые русские считаются плохими торговцами, потому что им все равно, как другие к ним относятся, доверие и отношение людей они не ценят. Вы знаете, наверное, русского торговца на базаре у западного моста в городе Инине – который торгует махоркой и урюком? Он самый жалкий человек во всей округе.

А я не такой, как отец. Брат Ильхам, ты же знаешь. Я здесь родился, жил и рос на этой земле, она меня выкормила. Я знаю воды реки Или. Летом я могу через стремнину доплыть до Чапчала, где живут сибо. На тот берег и обратно. Я знаю ветер этих мест. Какой ветер принесет дождь и холод, а какой – тепло и ясное небо. И еще знаю, какой ветер сделает пшеницу золотой и спелой, а илийские яблоки – красными, когда пора их срывать. Я на уйгурском говорю лучше, чем по-русски, и по-китайски говорю неплохо. Я не просто с людьми разговариваю на уйгурском, я на нем думаю. Когда я вижу цифру 5, то сначала думаю – «беш», и только потом – «пять»...

А самое главное – я люблю здешних людей, люблю здесь все. Когда был маленький – смотрел на серебряные цветы яблоневых деревьев и час, и два, и не мог уйти. Слышу уйгурскую песню – и всякий раз откуда-то изнутри доносится эхо этой песни, и слезы подступают, и текут по лицу. Я вместе с вами смотрел, как танцуют уйгурские танцы в праздничные дни, был на свадьбах, поздравлял с появлением на свет нового человека. Я своими глазами вижу: после того как Председатель Мао прислал сюда Освободительную армию и она прогнала Гомиьндан, ходжей, баев-байбаков, после того как снизили цену за аренду земли, провели земельную реформу, сделали кооперативы, народные коммуны – после всего этого наконец-то жизнь наша здесь становится лучше, с каждым днем все лучше, все прекрасней. Вы поете: «Если даже вся вода станет тушью, а все деревья станут кистями – то и тогда не сможем мы описать всю нашу благодарность Председателю Мао» – и мне хочется петь эти слова вместе с вами... И еще я полюбил Дильнару...

У вас, уйгуров, есть поговорка: «Первый глупец тот, кто себя хвалит, а второй глупец – тот, кто хвалит свою жену». Да, я глупец. Я все равно буду говорить про Дильнару. Кто на берегах реки Или не слышал, как она поет? Когда Дильнара поет – ласточки спускаются ниже, овцы перестают жевать траву. В целом мире нет других таких глаз и таких бровей, как у Дильнары. Я давно заметил ее, но все началось в тот день, когда я поехал в Инин. Это было прошлой весной, на абрикосовых деревьях завязи были еще зеленые и маленькие, размером с горошинку; мне надо было в Инин по делу, и я поехал на велосипеде. Вдруг я почувствовал сзади – бум! На ходу ко мне на багажник запрыгнула девушка, не сказав даже «привет». Это была она. Она то держалась за мою спину одной рукой, то убирала руку – и тогда сердце мое обрывалось: вдруг она упадет! И так, с трепещущим сердцем, я мчался по дороге; помню, как сел на хвост грузовику с военными номерами и несся за ним, не отставая. Приехали в Инин, и снова сзади – бам! – она спрыгнула, а когда я обернулся – уже скрылась в роще тополей на берегу. Виденье, а не девушка!

...Для нее я играл на гармонии ночи напролет. Из-за нее вырыл и выбросил наш илийский фиолетовый многолетний чеснок, который так хорошо продается, и засадил все перед домом одними красными розами. Как-то раз в полдень она с подружками пошла на берег реки, отдохнуть и повеселиться – и я за ними. Она видела, как я вдруг бросился в самый бурный поток, – и вскрикнула от испуга! А через минуту я уже вынырнул, и в руках у меня билась большая рыбина... Вы же знаете ее отца, Ясина; он в Четвертой бригаде, известный мастер, плотник и резчик по дереву, муэдзин – его голос зовет на молитву; можете представить его, когда он узнал, что его дочь и я – вместе. Я через людей пытался разъяснить – что Иисус и Мухаммед все равно что родственники, что я давно сделал обрезание и с детства не ем свинины... Но на все мои мольбы ответ был тот, что он запретил Дильнаре выходить из дома. Дильнара в конце концов сбежала, прибежала сюда ко мне. Я по обряду принял ислам. По закону Китайской Народной Республики мы поженились, коммуна выдала нам свидетельство о браке. Секретарь Лисиди и другие большие начальники ходили к уважаемому Ясину, проводили идеологическую работу; но уважаемый Ясин по-прежнему не разрешает Дильнаре вернуться домой и по-прежнему на нас сердится. Из-за меня Дильнара...

Я слишком много говорю. Вернемся к основной теме. Вдруг явилось дурное знамение, комета, ядовитая змея в очках, волк на двух ногах – Мулатов. В начале апреля он пришел в наш дом и стал рассказывать отцу про XX съезд КПСС, про то, что «человек человеку друг, товарищ и брат», про «всемирную партию» и «всемирное государство». Он и отец долго и много шептались, очень долго. Потом отец расправил плечи, брови насупил, говорить стал громче. Все эти годы он был как высушенная рыба, а приход Мулатова его оживил. Не до конца, конечно, – если сушеную рыбу подержать в теплой воде, то она разбухнет и станет похожа на живую. Но только похожа. Мне отец сказал:

– Собирайся, мы возвращаемся.

Я спросил:

– Куда возвращаемся?

Он ответил:

– В Советский Союз.

Мне уже двадцать шесть лет; за эти годы я слышал от него названия чуть ли не всех стран на свете, но никогда не слышал о Советском Союзе, никогда он не говорил «Россия», или «Украина», или «вернемся». И я испугался. Вы же знаете, я много лет работаю на мельнице, мало занимался политической учебой. Что Хрущев ругает Сталина, я, конечно, из разговоров на мельнице знаю. Я же не настолько глупый, чтобы не понимать ситуацию; если Советский Союз стал для отца «его страной», то для меня-то это не так. У отца в душе все стало холодно

и четко до предела, я же, напротив, совершенно ослаб и размяк. И еще – у меня ведь никогда даже в мыслях не было уехать из Китая! Как оставить золотой купол городской мечети в Инине, как оставить цветущие на берегах реки Или ирисы, а речные долины? а родных мне односельчан? Что уж говорить о жене – ее любовь и преданность родной стране так же полна и совершенна, как ясная луна в полнолуние. Она вырезала из журнала «Жэньминь хуабао» фотографию площади Тяньаньмэнь и повесила ее в нашем новом доме – может быть, в этом главная причина, что отец так презирает свою невестку. За эти полгода он даже не взглянул на нее, не сказал ни слова. И Дильнара с ним не разговаривает. Поэтому я без колебаний ответил отцу:

– Не поеду!

– Что? – он вспыхнул.

– Что делать в СССР? Что там есть моего? Я родился в Китае, вырос в Китае, я – китаец...

– Ты сукин сын! – Он стал ругаться, кричал, что убьет меня. Я тоже сжал кулаки и смотрел ему прямо в глаза. Короче, он уехал один.

А потом была ночь тридцатого апреля. Днем жена помещика, Малихан, говорила мне всякие нехорошие слова. Ночью я ворочался, все не мог уснуть. Вдруг сквозь шум ветра слышу – какое-то движение, вышел – шум доносится со стороны склада, пошел туда – и получил по голове.

Управление безопасности уезда меня арестовало, и я подумал: «Мне конец! Правильно говорила Малихан». В уезде меня продержали пять дней, и эти пять дней стали для меня самым ценным уроком. Товарищи в Управлении безопасности были строги, но справедливы, разбирались по сути; они терпеливо разъясняли мне политический курс, и я понял, прочувствовал, насколько справедливо, правильно, по-настоящему все делает Коммунистическая партия Китая. У меня дома лежит пшеница, и я думал сначала, что это будет очень трудно объяснить; но когда я все рассказал, и еще указал имена тех, кто может подтвердить мои слова, – из Управления безопасности меня с радостью отпустили. Когда я уходил, они пожали мне руку, говорили, чтобы я был хорошим гражданином, хорошим членом коммуны, и еще сказали – надеются на мою помощь в раскрытии этого дела. То, что власть просит моей помощи (впервые в жизни начальство поставило передо мной такую важную политическую задачу!), заставило меня по-новому взглянуть на себя: я могу не только работать на мельнице и ловить рыбу, я еще много чего могу, потому что я – гражданин Китая, у меня есть мои права и есть обязанности. И я вернулся из уезда в приподнятом настроении...

Но Дильнара даже не смотрела на меня, ее глаза распухли от слез; она не слушала того, что я ей говорил. Она забралась в каморку, где лежали инструменты и всякий хлам, и не выходила оттуда, спала на полу. Я подумал, что так и должно быть. Я не проявил инициативы, не разоблачил воровство отца и укрывательство зерна; я не сообщил о деятельности Мулатова – и поэтому должен понести наказание; от государства, от народа – и от Дильнары.

Я ничего не забыл?

А, да: я видел все совершенно ясно, мне не показалось. Эта повозка была из бригады, та, на которой Тайвайку возит грузы. Я сам не понимаю, как это так.

Мулатова мы раньше не видели. Он по-русски не говорит. В этих краях он ведет работу уже больше десяти лет, то тут, то там, но я... не знаю, где он еще бывал.

Малихан? Ну это... На мельнице она мне говорила: «Ты почему не уезжаешь? Ты потом жалеть будешь». И еще много чего; извращала внешнюю политику Китая и сеяла межнациональную рознь.

Что я теперь думаю? Дильнара беременна уже три месяца, нельзя ей так. Может быть... Вы не можете поговорить с Ясином? чтобы он разрешил ей вернуться. Это ведь из-за меня ей такой стыд...

И Ленька заплакал.

Дружеские чувства высоко ценит, но в общественной жизни не участвует; не вмешивается в политику, работает на мельнице; неглупый, веселый, себе на уме, но и сдержанный, молодой русский парень. Расплакался, всхлипывает. Ильхам молчал. Как быть? Верить или не верить?

Жизненный опыт и здравый смысл советовали в такой ситуации сказать примерно следующее: «Все, что ты сказал о ваших делах, я услышал. Я не очень хорошо знаю ситуацию; твой вопрос я передам, мы разберемся. Работай себе спокойно, не думай ничего плохого, не переживай...». Сказать с важным, серьезным видом. Спокойно. И никакой головной боли. Но не привык Ильхам так говорить с людьми.

И все же – что за человек этот Ленька? Соучастник грабежа? В Управлении безопасности уже разбирались и вынесли свое решение. Кутлукжан говорит, что доказательств его соучастия нет, но и не доказано, что не участвовал. Разве можно таким образом определять вину человека? Если так рассуждать, то что же – каждому надо представлять доказательства своей невиновности? И каждый тогда обвиняемый или подозреваемый?

Но ведь он русский к тому же... С этим – как?

А не получится ли, что через какое-то время всплывут новые по нему вопросы? Кутлукжан ведь как говорит: «Сейчас отпустим, а потом, если снова схватить потребуется, будет уже сложнее». Что он имеет в виду? Что надо быть готовым в «нужный момент» любого схватить?! Наша власть должна, что ли, вести подготовительную работу, чтобы любого можно было «хватать» в любой момент? Раз Ленька не считается преступником, то зачем говорить, что его надо будет «хватать»? Разве это честно и справедливо – заранее подозревать, обвинять, бить – на тот случай, если вдруг потом вскроются какие-то вопросы?

Самое главное вот в чем: что за человек этот Ленька – понимаю я или нет? Понимают ли люди? То, что он сейчас говорил, – согласуется ли оно с тем, как он жил и что делал последние двадцать лет?

Надо верить людям и опираться на массы, надо хорошо знать врага и повышать революционную бдительность. Эти два правила – одно целое или противоречат друг другу? Если быть таким бдительным и подозревать всех, то получится, что крайне немногочисленные настоящие классовые враги смешаются с массами, и с кем тогда вести классовую борьбу – поди разберись...

Ильхам встал. Ленька решил, что он уходит не сказав ни слова, и уж было расстроился. Но Ильхам встал, чтобы открыть дверь.

– Дильнара! – громко позвал он.

Дильнара показалась из своей конуры не сразу, с сомнением в глазах. Ильхам поманил: входи, садись. Нерешительно и нехотя вошла и присела.

– Когда вы поженились, меня здесь не было. Хочу вас сейчас поздравить: как в народе говорят – «сказать хорошее и сделать хорошее никогда не поздно»...

Оба посмотрели на него с удивлением.

– Да, хочу вас поздравить, – продолжал Ильхам. – Вы живете дружно, ваша жизнь озарена сиянием солнца, вы живете на богатой, обильной и прекрасной родной земле. Человек, верный своей Родине, не боится невзгод и трудностей. Дильнара, а где же чай? Ленька, доставай свою гармонию, давайте вместе споем...

...И вот зазвучала гармонь; сначала тихонько, пробуя ноты, но постепенно окреп и усилился ее голос, заполнил все вокруг. Сначала негромко подпевал один Ильхам, а потом потихоньку зазвучал и второй голос, и третий – и запели хором.

Глаза Дильнары понемногу оживились; Ленька повеселел. А песня все набирала силу...

– Ленька и Дильнара, желаю вам счастья! – Ильхам, уходя, взял их обоих за руки. – Желаю счастья вашему ребенку, который скоро появится на свет! Но невелико счастье сидеть в

маленьком домишке и распевать «Очи черные» и «Рябинушку». Если бури нашей беспокойной эпохи разрушат такое хрупкое счастье, то и горевать-то особо не о чем. За настоящее счастье и для себя, и для будущих детей и внуков надо бороться; и борьба эта нелегкая. Давайте бороться вместе, плечом к плечу!

– Я? Плечом к плечу? – засомневался Ленька.

– Конечно. Русский народ – тоже часть нашей великой многонациональной Родины. Еще увидимся, Ленька! Ты сегодня на мельнице в ночь?

– То есть вы ему, значит – верите? Партия – верит ему? – с сомнением спросила Дильнара. Ильхам улыбнулся.

– Главное, чтобы вы сами верили в себя. Если вы ничего плохого не сделали – вам нечего стыдиться и нечего бояться!

Ильхам уже сделал несколько шагов, когда Ленька догнал его и сказал:

– Спасибо!

– Не за что.

– Я... Есть еще два дела, я хотел сказать... – промямлил Ленька. – Сегодня днем Малихан выбрала время, когда Дильнары не было, и зашла. Она рассчитала, что у меня теперь никого из здешних не будет, вот и пришла без опаски. Она сказала: Ильхам вернулся, это значит, что в Урумчи и по всей стране все заводы закрываются...

– Как это она так быстро узнала, что я вернулся? Она разве не больна, не сидит дома?

– Ну, этого я не знаю. Она сказала, что без Советского Союза китайская экономика развалится. И еще сказала, что мне теперь здесь опасно, что и Дильнаре никто доверять не будет, поэтому любыми путями надо уходить «туда». И лучше забрать с собой всю семью Ясина...

– Вот же старая ведьма! То, что ты сказал, очень важно. Если мы организуем критику Малихан, ты сможешь на собрании обличить ее?

– Но я никогда не выступал на собрании...

– Ну вот и научись, хорошо? Но это – одно дело, а какое второе?

– Да нет... ничего такого, – замаялся Ленька. – Я это... просто хотел сказать, что этот Мулатов к Малихан тоже заходил, а что там и зачем – этого я не знаю.

– И все?

– Да, только это.

Судя по всему, про «второе дело» Ленька говорить передумал. Разве он не сказал про себя, что «не дурак» и соображает, что к чему? Из-за этого «не дурак» он иногда поступает неправильно. Не надо было торопить. Получается не быстрее, а наоборот. Если бы не предложил выступить на собрании, то он, может, и рассказал бы про это свое «второе дело». Ильхаму он не видел три года, только что встретились после долгого перерыва – надо ли было так напирать на него? Ну, уж в такое бурное время живем!

– Ну ладно.

Ильхам вышел. Проходя мимо дома Ульхан, он заметил жену Кутлукжана, толстую Пашахан, выходящую из ворот.

– Сестра Пашахан! Ходили навестить сестру Ульхан?

– А, я? Да. То есть хотела взять у нее кое-что, ну и заодно... – обычно искусная в речах Пашахан, похоже, растерялась.

– Ну и как там наша сестра Ульхан?

– Все хорошо... То есть не очень...

Ильхам внимательно посмотрел на Пашахан. Сегодня вечером собрание, так что зайти проведать Ульхан он не успеет...

Глава четвертая

О том, как Ильхам в детстве испортил товар Кутлукжану

О веселье на сельском собрании и потере рабочего времени

Очень много «почему»

Почему Кутлукжан стал секретарем вместо Лисиди? Почему Жаим не хочет быть бригадиром, а Муса ведет себя так нагло и беззастенчиво? Почему этот Майсум, начальник отдела, в прошлом году приехавший проверять работу Лисиди, вдруг за одну ночь стал советским эмигрантом? Почему Леньку арестовали, отпустили, но до сих пор не хотят признать невиновным? Почему Малихан приходила к нему «вести работу»? Почему Ленька хотел сказать про «второе дело», но не сказал? Почему Пашахан вышла от Ульхан в таком смятении? Почему Кутлукжан в коммуне перед Чжао Чжихэном показывал свою неприязнь, чуть ли не ненависть к Ульхан, а Пашахан пошла ее проведать? Почему ночью тридцатого апреля там была повозка Тайвайку? Почему именно в этот момент прорвало дамбу большого арыка? Кто все-таки увел Исмадина? и где он сейчас? Почему уехал старый Ван, и почему нервничает Тайвайку?

Почему эти двое в высоких ботинках – муж и жена – вызывают такое неприятие у Тайвайку, а с Кутлукжаном, наоборот, так хорошо поладили?..

На собрании ячейки большой бригады Ильхам не переставал думать об этих вещах; еще и суток не прошло, как он вернулся, он еще даже не приступил к работе, а в голове крутилось столько вопросов.

В партийной ячейке Патриотической большой бригады было пять человек. Кроме Кутлукжана и Лисиди в нее входили еще Дауд, Мумин и Санир. Дауд был кузнецом, работал с железом уже несколько десятков лет, так что у него даже кожа почернела, и пахло от него всегда окалиной. Его крепкие мускулистые руки тоже были словно из железа выкованы. Мумин – член ирригационного комитета большой бригады, седой уже, но крепкий и бодрый. Санир – начальница Девятой бригады и председатель женского комитета большой бригады, прямая и за словом в карман не полезет, с охрипшим голосом. Этим вечером Лисиди не было, но с Ильхамом вместе было как раз пятеро. В комнате для заседаний ячейки Кутлукжан сидел на единственном стуле со спинкой и вел собрание; на рабочем столе перед ним горела переносная лампа, поэтому его лицо было освещено снизу и выглядело строгим, даже, пожалуй, мрачным. Ильхам, Дауд и Мумин втроем поместились на длинной скамейке. Санир, не привыкшая сидеть высоко, нашла кусок доски и скрестив ноги уселась на полу, ниже, чем остальные. Председательствовавший Кутлукжан держал длительную речь. В начале ее он поприветствовал вернувшегося в родные края и вливающегося в работу большой бригады Ильхама. Затем сообщил мнение парткома коммуны относительно отмены «комендантского часа».

Вообще-то он еще в обед сообщил об этом, и все уже знали, но сейчас повторял на собрании, чтобы соблюсти формальность. Потом он стал говорить о текущей работе: не надо слушать сплетен и верить всякой ерунде, надо усиливать политическую учебу, надо продолжать усердно читать газеты, надо все внимание направить на полевые работы по озимой пшенице и кукурузе, надо внимательно относиться к использованию химических удобрений. Дойдя до распределения химических удобрений в этом году, он привел цифры; указал на то, что неко-

торые идеологически отсталые и консервативные люди до сих пор с сомнением относятся к использованию химических удобрений. Надо организовать полив, для дежурящих на поливе в ночную смену надо предоставить соответствующую помощь (масло, мясо, мука). Так много надо сделать, однако до сих пор в отдельных бригадах показатель выхода на работы еще невысокий; а в некоторых бригадах члены коммуны выходят на работу поздно, а уходят рано. В основном это идеологическая проблема: есть люди, которые хотят уйти пораньше, а если уходит кто-то один, то это оказывает влияние на целую семью, уход же одной семьи влияет на отношение к работе остальных. Поэтому необходимо усиливать учебу, усиливать воспитательную работу, надо подписаться на газеты «Синьцзян жибао» и «Или жибао»; чтобы выписать газеты, нужно заплатить деньги, а сейчас почти во всех производственных бригадах трудно с наличными. В этом месте он перешел на тему недавнего совещания, которое проводил банк, по вопросу выдачи сельхозкредитов в этом году и ситуации с возвратом кредитов за прошлый год. Что же касается не вышедших на работы без уважительной причины членов коммуны, то им надо вынести предупреждение, а если повторно не выйдут – лишит пайка! Ну, конечно, это так, на словах...

Ильхам слушал речь Кутлукжана, но не переставал думать о своих «почему» – и чем больше думал, тем запутанней все получалось – до того, что он, никогда не куривший, вынул из пальцев Дауда его наполовину выкуренную самокрутку и сам пару раз затянулся. Постепенно до него стало доходить, что у всех этих многочисленных «почему» есть общий центр, перекресток, куда все они сходятся. Большинство вопросов связаны с одним человеком – как раз сейчас уверенно и спокойно говорившим перед собранием. С действующим секретарем ячейки большой бригады Кутлукжаном.

... Дело это прошлое и давнее. Тогда еще жива была мать Ильхама. В год, когда Ильхаму было шесть лет, на праздник жертвоприношения Курбан-байрам, в такой важный день, мама торжественно надела ему на голову праздничную шапочку, вышитую своими руками за много ночей и вечеров мелким красивым цветным узором. В новой шапочке и в старой рубахе из грубого полотна, волоча по земле твердые как железо и холодные калоши из невыделанной кожи, он вышел на улицу и пошел в начало села. Кто-то из детей играл вареными яйцами: стукались – чье разобьется, тот и проиграл – но у него не было вареного яйца; кто-то, привязав коньки прямо поверх обуви, катался по замерзшей дороге – но у него не было коньков. Вышитая новая шапочка – вот его единственный подарок и радость в праздник. Без интереса он тащился дальше, поглядывая по сторонам, и тут увидел толпу ребятишек, сгрудившихся около старого тутового дерева. Любопытство погнало его туда. Оказывается, это соседский парень лет восемнадцати-девятнадцати, Кутлукжан, продавал конфеты. Он делал их сам из солодовой патоки, бараньего жира и муки; долго варил смесь на медленном огне, тщательно перемешивал, а Ильхама заставлял помогать – носить хворост. Потом получившуюся массу он поделил на аккуратные квадратики, которые теперь лежали на тряпке, расстеленной на земле под деревом. Шапочка на Кутлукжане была набекрень, на плечах – старый, слишком большой пиджак, на шее – замасленный галстук; шею Кутлукжан вытягивал, озирался по сторонам и зывал покупателей. Аккуратненькие ряды самодельных конфет блестели на солнце как драгоценности. Ильхам потрогал свою одежду – карманов на ней не было; не было и кошелек на поясе – ни гроша у него не было за душой. Он попытался, чтобы уйти от этого места, где ему оставалось только слюни пускать. Вдруг что-то обожгло шею – это байский сынок, развлекаясь, бросил ему за воротник горящий окурочок. Ильхам инстинктивно дернулся вперед – и наступил ногой на конфетину. Та хрустнула. Начинающий торговец тут же заорал и схватил Ильхама за шиворот, но, узнав маленького соседа, ослабил хватку и тоненько улыбнулся. Нагнувшись, он одной рукой подобрал треснувшую конфету и протянул ее Ильхаму:

– На, скушай!

Ильхам медленно убрал руку за спину, не решаясь принять угощение. Кутлукжан вложил конфету в его ладошку, приговаривая:

– Ну, кушай же, чего боишься?

Ильхам поглядел на конфету, потом по сторонам, потом – на соседа. Кутлукжан кивал и приветливо улыбался. Тогда Ильхам медленно засунул конфету в рот, сказал спасибо и уж повернулся, чтобы уйти – но снова был схвачен за плечо.

– А деньги? Братишка, ну ты и смешной! Съел, сказал спасибо – и пошел? Вот здорово! Я что, угощение тут для всех накрыл? Ха-ха!

Ильхам испугался:

– Но у меня нет денег! Вы же сказали мне – ешь!

– Если не ты, то кто же съест это? – Кутлукжан вытаращил глаза. – Ты же раздавил эту конфету! Как же я продам раздавленную конфету кому-то другому? Кто же мне за это заплатит? Ну ладно, я сделаю тебе скидку...

– Брат! Ты же знаешь, у меня совсем нет денег...

– Нет денег – так зачем сюда пришел? Когда что-то продают и покупают – платят деньги, родные отец и мать покупают – и платят. Ладно, принесешь из дома четыре яйца...

– У нас нет кур...

– Не изворачивайся! – Кутлукжан рывком притянул к себе Ильхама. Тот байский отпрыск, что забросил ему окурочок, воодушевился: «Бей! Бей его! Дай этому нищему!» Ильхам задрожал. А Кутлукжан поднял руку – Ильхам подумал, что для удара, но Кутлукжан, помедлив, сорвал с него вышитую шапочку и сунул себе за пазуху.

– Неси деньги! А шапочка останется в залог.

Когда Ильхам оказался с голой головой у всех на виду, дети вокруг расхохотались. Это очень стыдно – быть на людях с непокрытой головой; как некоторые народы считают, что неприлично входить к кому-то в дом в головном уборе, точно так же у уйгуров не принято ходить с непокрытыми волосами или выставлять напоказ бритую голову в гостях или в обществе – это большое неуважение к людям и позор себе самому...

Много воды утекло с тех пор. Кутлукжан потом был старшим работником у толстопузого Махмуда; после Освобождения стал активистом, членом партии, кадровым работником. Сейчас вспомнилась эта мелочь из прошлого – но чем она поможет делу?

Прозвище Кутлукжана было Утиный хвост – уйгуры имеют в виду, что утка выходит сухой из воды; такое прозвище намекает, что этот-де человек из любой ситуации выйдет без ущерба для себя; конечно, прозвище не очень-то хорошее, но что тут скажешь – ведь это всего лишь прозвище.

Днем, перед «Максимовым», Кутлукжан ведь занял четкую позицию, верно? Да, все верно: он строит дом, доказывая тем самым, что ничуть не колеблется. Очень убедительно.

Ильхам постарался сосредоточиться. Кутлукжан тем временем продолжал свой доклад – речь его лилась ровным потоком, не прерываясь ни на минуту; он уже перешел к теме капитального строительства и рассуждал о том, что, наверное, стоит в большой коммуне построить баскетбольную площадку, о том, что крышу комнаты заседаний ячейки непременно надо покрыть еще одним слоем глины, чтобы не протекала... И наконец подвел итоги:

– Если коротко, то вот такие предложения у меня. Итак, мы должны усердно трудиться, и не просто усердно трудиться, а тройне усердно трудиться, надо приложить все свои усилия, и чтобы эти усилия были самые энергичные, чтобы нам хорошо поработать... Ну а теперь – какие у вас будут предложения?

Ильхам, ты только приехал, ощущения у тебя острее. Дауд, ты в большой бригаде устраиваешь мастерские, это рядом с дорогой, там многое можно увидеть. Мумин-брат, ты у нас самый старший, и к тому же весь день разъезжаешь, каждый арык осматриваешь – ты что-

нибудь заметил? Ночной смене на поливе – выдавать компенсацию по нормативам, согласны? Санир, ты у нас женщина, женщины – это половина человечества, прекрасная, так сказать, половина... – Кутлукжан всем кивал, подбадривал.

Санир устала слушать; она невольно звучно зевнула и тут же поспешила прикрыть рот уголком повязанного платка.

Дауд поднял голову, откашлялся и спросил:

– Секретарь, для чего мы сегодня проводим собрание ячейки?

Этот вопрос нарушил унылую атмосферу, нагнанную перескоками Кутлукжана с одного на другое.

– Обсуждаем рабочие вопросы! – парировал Кутлукжан и насторожился.

– Обсуждаем – какие рабочие вопросы? Крыть крышу глиной или не крыть? Если надо, то крыть. Об этом мы говорили на ячейке уже много раз.

– Правда? – усмехнулся Кутлукжан. – Ну что ж, может быть, может быть. Мы, сельские кадровые работники, не особенно культурные, не записываем все аккуратно в книжечку. О чем вспомнится – о том и говорим. Раз не сделано до сих пор, так оно и вспоминается постоянно, а то бы и не вспоминал, выбросил бы из памяти...

– Я говорю, что такие собрания ничего не решают. – Дауд не смягчился от полусерьезного тона ответа и продолжал говорить строго.

– Ну, тогда ты скажи, как надо их проводить, – Кутлукжан напрягся.

– Собрание по рабочим вопросам надо проводить на одну тему, центральную, говорить сначала об одном, потом о другом, – пояснил Мумин.

– Хорошо, скажите тогда – что у нас «центральное», что надо разбирать в первую очередь?

– Я так скажу: сейчас главное – побороть порочный стиль и нездоровое влияние, в том числе и некоторых наших, здешних... – сказал Дауд. – «Больше всего сейчас влияет на всю нашу работу порочный стиль в работе. Этот порочный ветер дует к нам извне, из других мест, но есть и наши здешние плохие люди, которые это подхватывают...»

– Правильно, – подхватил Мумин. – Сейчас в большой бригаде идейность нестойкая, кое-кто хочет уйти. Их меньшинство, но нельзя сказать, что таких нет совсем. Но у некоторых членов коммуны идейность шаткая. В Седьмой бригаде пропало зерно, так и не разобрались до конца. Наша большая бригада рядом с большой дорогой, да и недалеко от города, новости разлетаются быстро, ничего не скроешь. Многие не понимают, что же все-таки произошло и что дальше будет; они опасаются, боятся...

– Чего это они боятся? – перебил Ильхам.

– Так вот то-то и оно, что непонятно чего! – развел руками Мумин. – Страх – это как заразная болезнь. Раз я поехал в город за покупками, зашел в универмаг, а там ребенок вдруг стал капризничать и ни с того ни с сего заорал «мама!» – и бросился на улицу; за ним побежали двое взрослых, тоже орут – ну и вся толпа в магазине заметалась. Потом только дошло, что ничего не случилось!

Все засмеялись.

– Если бы только боялись – не беда; а то беда, что кое-кто и не боится, хоть их и мало. Они, наоборот, радуются. Вроде как у нас тут что-то не так, и этим можно воспользоваться в своих интересах. Вроде как то, что партия говорит, уже и не работает, и нет на них, стало быть, управы. А в неразберихе они и рады поживиться, пока пожар – тащи, что плохо лежит, в мутной воде хорошо рыбу ловить... – сказал Дауд.

– Ты про кого? Кто это на пожаре ворует и рыбу в мутной воде ловит? – вскинулся Кутлукжан.

– Да уж есть такие.

– Раз есть – надо их вывести на чистую воду! – строго сказал Кутлукжан.

– Бао Тингуй и жена его – точно из таких! – лицо Дауда покраснело. – Один в высоких ботинках, а другая – длинный червяк, баотингуева жена по прозванию Хао Юйланы! Недаром же «юлань» по-уйгурски – змея!

– Нехорошо так переворачивать имена товарищей-ханьцев! – оборвал его Кутлукжан.

– Да все одно, с тех пор как они сюда в мастерские работать пришли, ничего путного еще не сделали! Все чего-то темнят, хитрят. Сегодня после обеда чужой шофер приезжал – они ему чинили машину и подменили детали...

– Это они перепутали, когда разбирали и собирали, уже исправили все, – тихо пояснил Кутлукжан Ильхаму – Ты говори о своем... – и махнул на Дауда рукой.

– Хао Юйланы с больных требует денег, яйцами берет, маслом, досками. И еще их свинья пьет воду прямо из арыка! Члены коммуны на селе очень недовольны. Тайвайку говорит, что прибьет эту свинью, если они ее еще хоть раз выпустят!

– Что это такое! – Кутлукжан стукнул ладонью по столу. – В такое время убить свинью членов коммуны ханьской национальности! Что это за слова? Это же реакционные настроения! Чем ты думаешь?

Мгновенно вспыхнувший гнев Кутлукжана и его официальный тон заставили всех быстро переглянуться.

Кутлукжан натянуто улыбнулся и обратился к Ильхаму и Санир:

– Вы тоже, пожалуйста, высказывайтесь! Не сидите молча.

Ильхам увидел в его словах и другой, скрытый смысл: слишком много наговорили Дауд и Мумин, хватит, пора с ними заканчивать; кроме того, они приплели сюда Бао Тингуя с его женой, и надо прикрыть эту тему.

Но Дауда запугать не получилось. Он подумал-подумал, а потом сказал:

– Я не думаю, что воспитывать членов коммуны ханьской национальности в вопросе уважительного отношения к обычаям национальных меньшинств плохо; в этом нет ничего реакционного.

– Так значит, можно убить чужую свинью?

– А кто ее убил?

– Говорили же, что ее убить надо?

– Это в гневе было сказано.

– Да хоть бы и в гневе: разве можно так говорить? – Кутлукжан и Дауд продолжали препираться.

Мумин сказал.

– Руководство большой бригады могло бы, мне кажется, поговорить с Бао Тингуем на эту тему. Надо сказать ему, что свиней держать можно, но в загоне. В этих словах нет ничего плохого...

– Э-э! Брат Мумин, вы все упрощаете! Какое время сейчас! Ты – уйгур, я – уйгур... – Кутлукжан водил в воздухе указательным пальцем. – Если мы будем такие слова говорить, то какие потом могут быть последствия? Какие бы сделали выводы еще пару лет назад? Если кому-то не нравится Бао Тингуй – отправляйтесь-ка сами в коммуну и говорите с секретарем Чжао...

– Что же, по каждому такому вопросу ходить к секретарю Чжао? – не соглашался Мумин.

– Да разве так можно все решать?! – не выдержал Ильхам. А потом спокойно продолжил: – Мы – члены Коммунистической партии Китая, члены ячейки Патриотической большой бригады коммуны имени Большого скачка, а не какой-то «уйгурской ячейки». Как можно так ставить вопрос!

Кутлукжан повернул голову, недовольно сощурился, но, побегав глазами, примирительно сказал:

– Хорошо-хорошо. Ладно-ладно. С идейной точки зрения вы правильно все говорите. Я обязательно поговорю со стариной Бао. Какая разница. Это все частные моменты, не относящиеся к общей ситуации! Эй, брат Дауд, ты все меня критикуешь, что я собрание неправильно веду. Но ты же сам все о каких-то мелочах говоришь – куриный пух и чесночная шелуха, так сказать. Тебе еще больше, чем мне, надо сосредоточиться на главном! Ха-ха-ха!.. Санир, ты все-таки выскажись. Какие там вопросы накопились у женщин?

– Я сначала о мужских вопросах скажу. – Слова Санир заставили всех рассмеяться. – Долго это у нас в бригаде будет продолжаться? Брат Уфур на работу не выходит. В бригаде порядка нет...

– Почему, в чем дело? – спросил Ильхам.

– Я разве тебе не говорил? Уфур получил письмо от тестя из Советского Союза, тот их зовет всей семьей переезжать. Говорят, они уже получили паспорта советских эмигрантов... – сказал Кутлукжан.

– Советский паспорт? – У Ильхама округлились глаза. – Этого не может быть! Кто же не знает брата Уфура...

– Ты погоди, не говори так! – Кутлукжан предостерегающе поднял палец. – Этого не может быть, того не может быть – в наши дни все может быть! Кому сейчас можно верить? Ты не видел, как начальник отдела уезда Майсум – и тот стал советским эмигрантом?

Новость о том, что Майсум стал эмигрантом, заставила остальных членов ячейки разинуть рты от удивления; наклоняясь друг к другу они стали вполголоса обсуждать ее.

– Майсума я толком не знаю, но вот Уфур... Вы не спрашивали у него, в чем дело?

– Я... не спрашивал. Но если это все неправда, почему же он на работу не выходит? А если правда, то это уже не мое, не секретаря дело! Не нашей бригады и вообще не коммуны это дело! Это гражданин другого государства... Как говорит товарищ Талиф, такая вот ситуация... Э-э! да что уж тут подделаешь! Ну, хватит об этом. Сколько ни говори, а решить мы тут ничего не можем. Санир, обсуди с вашим замначальника бригады – пусть возьмет под свой контроль! У женщин нет рабочих вопросов?

– В последние два дня у женщин с выходом на работу тоже не все хорошо. И еще некоторые говорят, что по уйгурским правилам женщина вообще-то должна дома сидеть...

– Да, отстаем мы еще в идейном плане... А поезжайте в Кашгар, на юг Синьцзяна – там женщины до сих пор еще носят накидки, чтобы никто не видел их лица!.. Хотя, кто знает, что они там себе думают, под накидкой-то! Ха-ха-ха!.. – Кутлукжан решил, что нашел подходящую тему, и принялся гримасничать. Ильхам прервал его веселость, обратившись к Санир:

– Кто это говорит?

– Я узнала кто, – Санир повернулась к нему и повысила голос. – Это не кто-то чужой, это Малихан так говорит!

– Вот же дрянь! Ну пусть только выздоровеет, я скажу дружинникам, пусть зададут ей! – сдвинул брови Кутлукжан.

– Эта Малихан развернула бурную деятельность. – Ильхам пересказал все, что узнал от Леньки.

– Можно ли доверять тому, что говорит Ленька? – холодно сказал Кутлукжан.

– Похоже, что все именно так, – сказал Мумин. – Ибрагим, помещичий элемент из Четвертой бригады, тоже зашевелился. Его племянник Мамед вдруг вернулся откуда-то и ведет себя подозрительно. Рассказывают, он тоже ходил к Малихан домой. И еще появились какие-то непонятные чужие люди, постоянно ходят к Ибрагиму...

– Атмосфера враждебности накалилась, классовый враг чует всякие веяния и внутри страны, и за рубежом, голова у них идет кругом. Одних дружинников послать с предупреждением недостаточно. Я полагаю, надо бы во всей большой бригаде развернуть массовую критику и ударить по подрывной деятельности классового врага, ударить по дурному стилю и мето-

дам. А еще важнее – терпеливо вести кропотливую идеологическую работу с широкими массами... – сказал Ильхам.

– Именно так и надо! – поддержали его Дауд и Санир.

– Это предложение очень... Хорошее! – Кутлукжан широко зевнул. – Нам надо провести большое собрание, устроить взбучку нескольким помещикам. – Он снова зевнул, а потом со вздохом продолжил: – Собрание наше затянулось, надо будет впредь это учесть. Отвечать за это буду я. О чем это мы только что говорили?.. А, да! Критиковать помещиков. Сейчас обстановка непростая. Когда критиковать, как критиковать? В каком объеме проводить собрание? Надо обо всем этом посоветоваться в коммуне, получить указания. Что же до активности помещиков, то надо будет подробные сведения отправить наверх. Это дело поручим товарищу Ильхаму... Вот так, вроде бы и все, что у нас еще?

Ильхам задумался. Дауд встал размяться, подошел к окну, сел на подоконник, поглядывая наружу, и вдруг как будто что-то заметил.

– Секретарь Лисиди вернулся, – сказал он, не оборачиваясь.

Ильхам бросился к окну и разглядел вдали в сгущающемся вечернем сумраке худую фигуру. На приближавшемся человеке было пальто из блестящей кожи и кожаная шапка; он нес на плече тяжелый вьючный мешок. Это был тот самый Лисиди, о котором Ильхам постоянно вспоминал уже целые сутки.

Все выбежали навстречу. По совершенно неподходящей для начала лета одежде можно было догадаться, что Лисиди был на высокогорных пастбищах; как будто даже повеяло прохладой горных лугов. Он в самом деле только что спустился с гор и единственное, что успел, – это снять седло и вьюк с лошади.

Ильхам и Лисиди долго и горячо приветствовали друг друга. То, что Ильхам при этом называл Лисиди секретарем, было очень неприятно Кутлукжану. Конечно, здешние сельские жители имеют такую привычку – называть человека по его должности, даже и прежней, но все же нельзя при действующем секретаре называть секретарем другого; тем более Ильхам не простой сельчанин. Кутлукжан громко хмыкнул:

– Ладно. Время уже позднее. Собрание ячейки на этом закончено, – а потом отдельно обратился к Санир: – Ты можешь идти, товарищ женщина, дома дел много!

– Нет, я еще не попробовала творог и сыр, которые привез секретарь Лисиди.

Ну вот! И Санир зовет его секретарем, да еще и так ласково.

– Творог есть, конечно; как же можно приехать с пастбищ и не привезти творога и сыра! Но подождите – сначала я вам покажу кое-что другое... – Лисиди открыл мешок, достал и бросил на стол сверток, тот упал с тяжелым железным звуком.

– Пистолет! – изумленно выдохнули все хором.

От древнего, покрытого пятнами ржавчины маузера шел запах плесени, машинного масла и металла. Ильхам подвинул его ближе к лампе и увидел полустертые русские буквы.

– В горах битва идет вовсю, – сказал Лисиди. – Скотовладелец бай Балади ведет бешеную подрывную агитацию, подбивает на предательство Родины и уход за рубеж. Еще они хотят увести с собой наше племенное стадо. Мы организовали борьбу с ним, а у него самого обнаружили это оружие... – Лисиди закашлялся.

– Все ваш бронхит? – участливо спросил Ильхам.

– Нет, я здоров, – возразил Лисиди и продолжил: – Этот маузер деду бая Балади подарил один офицер еще восемьдесят лет назад, когда Или захватили царские войска. Его передавали из поколения в поколение, так он попал к Балади. Во время демократических реформ в пастбищном районе Балади отказался его сдать и тайно закопал под камнем на скале с одинокой сосной. Недавно Балади его откопал – значит, думает, что время пришло... Ты смотри-

ка! Тень старого царя еще не развеялась... Неужели есть люди, продолжающие дело царизма, подбадривающие детей и внуков прежнего бая?

– В этих государственных делах нам не разобраться. Лучше расскажи, что там в скотоводческой бригаде происходит, – холодно и обыденно сказал Кутлукжан.

– Мы организовали борьбу с баем Балади, стали все вместе вспоминать прошлое, сопоставлять горький опыт, думать о светлом будущем... – Запыленное, осунувшееся после долгой дороги лицо Лисиди прояснилось, словно на него упал луч света. – Какой подъем духа у скотоводов-казахов! Какая ненависть к врагам, как рвутся в бой! Если бы мы их не сдерживали, баю Балади пришел бы конец – прибили бы они его! Теперь все коварные сплетни разоблачили, пастухи прозрели, все полны решимости защищать новую социалистическую жизнь, отстаивать священную землю нашей Родины. Сейчас как раз идет отел, и стрижка – самое горячее время у скотоводов; мужчины, женщины, старики, дети – все и днем и ночью работают не покладая рук. В горах еще холодно, новорожденных ягнят держат в палатках, чтобы не мерзли. Как там сейчас все кипит! Решили таким образом ответить на происки классового врага – самыми высокими показателями выживаемости ягнят и настрига шерсти... – тут Лисиди достал два свертка с сыром. – Смотрите, в этом году и сыр особенно вкусный! Бери больше, детям своим отнеси! – сказал он Санир.

– Иди, у тебя дел много, – кивнул Кутлукжан.

Санир ушла. Теперь Кутлукжан обратился к Мумину:

– У тебя сейчас тоже горячий период – пшеница в трубку выходит, воды нужно много; а на поливе дежурные по ночам спят, вода льется неравномерно – где густо, где пусто, как у плешивого на макушке. Займись! Контролируй!

Мумин покивал и тоже ушел.

– И ты иди, – Кутлукжан бросил взгляд на Дауда.

– Я никуда не спешу. Мне еще охота поговорить с секретарем Лисиди. – В словах Дауда чувствовалась непреклонность.

– Ладно, сказал Кутлукжан и обратился уже к Лисиди: – Начальник большой бригады, ты устал. Сначала отдохни, а о работе потом поговорим. Ну? Где это видано – всегда с гор приходят отъевшиеся, а ты исхудал!

– Это значит, что я раньше был слишком толстый! – рассмеялся Лисиди.

– Мне понравились методы, которыми товарищ Лисиди развернул работу в горах; мы здесь внизу тоже должны взяться за дело таким образом... – сказал Ильхам.

– Верно, а? Давайте завтра-послезавтра изучим подробнее этот вопрос? Что если начальника Лисиди попросить подготовить для нас – так сказать, в обобщенном виде – опыт проведения работы в скотоводческих бригадах... Ну ладно, у меня еще кое-какие дела. Не надо и вам забывать, что у товарища Лисиди не все хорошо со здоровьем, что он очень устал... – Кутлукжан, не дожидаясь от других реакции на свои слова, развернулся и исчез.

– У вас что, собрание? О чем совещались? – спросил Лисиди.

– О чем совещались? Да все равно без толку, какая разница! – с раздражением фыркнул Дауд. – Чем вообще наша ячейка занимается? Умные лица строим? Из пустого в порожнее? О чем Кутлукжан хочет, о том и говорим, а о чем не хочет – не говорим. Что делать – он решает, а чего он не решил – того и не делается. Ячейка обсудила, ячейка решила... все без толку!

– Действительно так? – спросил Ильхам.

– Конечно. Как мы этой весной на ячейке решили про мастерскую? А секретарь Кутлукжан все равно посадил туда этого Бао Тингуя! Ввели комендантский час, потом отменили – когда мы на ячейке это обсуждали? Как хочет, так и воротит! Я вот что скажу: то, что мы сегодня слышали – про борьбу с врагом, про материалы подготовить, получить указания в коммуне – все это пустая болтовня, поговорили и закончили, ничего этого не будет! И чтобы Лисиди, как начальник большой бригады, рассказал об опыте работы – это тоже только слова.

Короче, что ему не нравится, то на ячейке и не пройдет, а пройдет – так не будет решения, а и будет решение – так не выполнят. Я погляжу, так и не нужна ячейке никакая комната для заседаний, табличку с надписью «Ячейка» надо на шею Кутлукжану повесить, и тогда все будет правильно.

– Если у тебя есть замечания, надо их высказывать прямо, – сказал Ильхам.

Дауд, явно не соглашаясь, щелкнул языком и даже встал:

– Не выскажешь! Этому нашему секретарю никто ничего не может высказать. Ты ему говоришь прямо, а он тебе увертками отвечает; его не переговоришь. Что бы ты ему ни сказал – он никогда не ответит, что не согласен. Все «хорошо» да «хорошо», – Дауд изобразил интонации Кутлукжана. – Только потом от всех этих «хорошо» результата нет никакого! – Дауд помотал головой и тоже ушел.

– Пойдем ко мне домой, нам надо поговорить, – сказал Лисиди после минутного молчания.

Глава пятая

Благоговейный трепет и самодисциплина в райских куцах

Как Аймилак потеряла руку

Появились аймугуки?

Побелил половину стены – остановись. Этой мудрости старших Асим всегда неукоснительно следовал. Образец для подражания, по мнению старшего поколения: «мы – народ послушный». Чтобы быть послушным, или почтительным, надо иметь благоговейный трепет. Старшие всегда должны внушать благоговейный трепет; а что иное внушит человеку такой же трепет и страх, как смерть? – ибо совершенно очевидно, что никто из живущих не может иметь в отношении смерти никакого личного чувственного опыта, или же, скажем, точных предвидений, или возможности ее избежать. Сельские старожилы, которых почтительно называют аксакалами – то есть серебрянобородыми – старейшины, часто советуют молодым каждый день каждый день по несколько раз уделять время мыслям о смерти, думать о своем конце и конце этого мира; каждый человек должен помнить, что все имеет конец и предел. Когда есть осознание, есть трепет и страх конца – тогда есть уважение и самодисциплина, тогда будут поклонение и молитва, серьезность и искренность, будут твердость, уверенность, норма и образец, будут опора и пристанище. А не будет этого – и ты при лучшем раскладе станешь лишь песчинкой, беспрестанно гонимой ветром; но еще вероятней – рухнешь в бесовскую плавильню, и не будет зла, которого ты не сотворил бы; и преступления не будет такого, какого не было бы за тобой; и не будет горя, которое бы тебя не постигло. Вот ты, к примеру, идешь... Если нет в тебе благоговения и трепета, то неверный шаг влево – и ты падаешь в уже приготовленный тебе ад; неверный шаг вправо – и ты увяз в расставленной для тебя ловушке.

В свои пятьдесят четыре года крестьянин-середняк Асим был живым воплощением благоговения и дисциплины. Он был старшим братом Кутлукжана, хотя, услышав такое, вы не сразу бы этому поверили, потому что братья, хоть и родные, были между собой несхожи более, чем баран и осел. Асим с малых лет проникся мудрыми наставлениями старейших, их поучениями и правилами, а став взрослым, почитал самоконтроль и послушание высшими из добродетелей. Он всегда осознанно воспитывал и в себе, и в членах семьи священное чувство благоговейного трепета. Трепет и дрожь, как над бездной или на тонком льду – такое отношение к жизни в полной мере соответствует учению Конфуция, столь высоко ценимому ханьской нацией; при том, однако, что рассуждения и наставления Куна и Мэна⁶ касаются по большей части жизни общества и мира людей. В принятой Асимом трактовке, даже когда ты вечером за ужином поднимаешь на кончиках пальцев пиалу с бульоном, в котором плаваютпельмешки хуньдунь – или, как говорят на юге, вонтон – даже и в этот самый миг должно испытывать трепет. Потому что вкупе с этой пиалкой перед твоим лицом встают самые разные опасности

⁶ Имеется в виду учение Конфуция и Мэн-цзы – древнекитайских философов, основоположников конфуцианства. Ван Мэн здесь противопоставляет трепет Асима перед загробным миром, который сам Асим считает конфуцианским, и тот факт, что наставления Конфуция и Мэн-цзы касались жизни. См., например: «– Еще не знаем, что такое жизнь, откуда узнаем, что такое смерть?» (Суждения и беседы «Лунь юй» / науч. пер. А. Е. Лукьянова, поэтич. пер. В. П. Абраменко. М.: Шанс, 2019. С. 216). – Примеч. ред.

и угрозы: горячая пельмешка может обжечь рот и горло; пережевывая еду можно прикусить язык; неверное движение руки – и пиала падает наземь; от пельменей может случиться несварение, начнутся проблемы с желудком... Так что если удалось спокойно опустошить пиалу пельменей – то сколько в этом ниспослано высшей милости, сколь явлено добродетели, сколько за этим трудов и хлопот, и какая же это, в конце концов, большая удача!

Пожалуй, до Освобождения и страх, и внутренний трепет не очень-то помогали брату Асиму; бедствия одно за другим сыпались на голову этого несчастного и очень хорошего человека. Дом его стоял на краю большой дороги, рядом с фруктовым садом толстопузого Махмуда, а поскольку Махмуд захотел расширить пределы своих владений и нашел предлог, чтобы прогнать соседа, то в итоге Асиму пришлось построить себе одинокий дворик здесь же, у села, но от самого села примерно с километр, с тем, чтобы отдалиться от неприятностей общения с другими людьми. Его старший сын в начале сороковых годов поехал как-то в город Инин – повез бахчевые на продажу; а в итоге и его, и тыквы с дынями захватили гоминыдановские солдаты, больше никто его не видал – ни слуху ни духу; потом люди говорили, что сгинул он где-то на дороге во Втором районе. Дочь Асима, Аймилак, когда ей было два года, играла на краю поля – кто ж знал, что именно там поскачет на охоту толстобрюхий Махмуд со своей сворой? – и неизвестно, что тому померещилось – может быть, он решил, что девочка помещает ему проехать, и он нарочно спустил злых собак – и те искусали правую руку девочки, рука распухла и загноилась. Асим побоялся идти в больницу и тратить деньги, решил так: если болезнь не серьезная, то сама пройдет; а если что-то тяжелое, то пилюлями тут не поможешь. Рука распухла все больше, и в конце концов пришлось ее отрезать по локоть. Чем больше боишься – тем чаще сыплются неприятности, чем больше несчастий – тем сильнее боишься.

Когда после Освобождения одно за другим происходили важные политические события, Асим по привычке встречал их с внутренней дрожью и холодеющим сердцем. Однако эти бурные перемены, заставлявшие Асима в ужасе замирать, все-таки приводили к тому, что порядка становилось больше, на сердце становилось спокойнее, жизнь налаживалась и становилась лучше и веселей. Коммунистическая партия учила, Коммунистическая партия приходила в дальние села, в дома и бараки, Коммунистическая партия говорила уверенно, серьезно, смело и красиво, не пускала ничего на самотек. Асим, тут и там слыша пропаганду, задерживал дыхание, прикрывал глаза и всякий раз зывал к Единственному и Великому: «Аллах акбар!»

Во время кампании за снижение аренды и против гегемонизма на общем собрании он не осмеливался даже взглянуть на сцену и уж тем более не решался выступить с обвинениями против Махмуда, причинившего столько зла его семье; однако когда обвинения достигли накала, Асим забыл обо всем: ведя за собой однурукую дочь, он вышел на сцену и – расплакался. В день, когда приговор Махмуду был приведен в исполнение, он не только не ощущал страха, но и собственноручно зарезал барана, чтобы вся семья поела плов. В теории он по-прежнему придерживался своей философии «самоустрашизма», однако на практике верх постепенно брали покой и самодостаточность: уже и то хорошо, что не холодно и не голодно. В его доме стало понемногу прибавляться керамической и деревянной посуды, ковриков. Старый домишко он снес и поставил на его месте новый, повернутый в южную сторону, из трех комнат, с просторными навесами вдоль стен дворика, с резными деревянными ставнями на окнах. Сад Асим полностью обновил, взяв в сельхозе воинской части по сходной цене хорошие сорта винограда, которым тут же заполнил огромные стойки для лозы перед домом – это принесло ему не только душевный покой, но и немалую прибыль.

Асим любил цветы; его дворик был полон самых разных цветов, оставался лишь узенький проход, и люди, входившие к нему, должны были пройти в этих зарослях метров десять, прежде чем можно было разглядеть сам дом. В детстве Асим слышал от одного старика, что цветы по сути своей – принадлежность небесного рая, его эмблема и знак; что Творец подарил людям

лишь малую часть этого великолепия – чтобы утешить тех, кто живет на земле, и дать им весточку из небесного сада.

Конечно, фарфоровые пиалки, виноград «дамские пальчики»⁷ и пламенные георгины вряд ли могут быть причиной для страха. Однако «философия», глубоко пустившая корни в душе Асима, не сдавалась; очень скоро у него обнаружился новый источник беспокойства – его дети.

Старшей дочери, Аймилак, в этом году двадцать лет; отучившись семь лет в сельской школе, она уехала в город, поступила в медицинский техникум. Тогда Асим это одобрял: одно-рукая девочка – много ли от нее проку; если останется дома – сколько будет трудней? Пусть учится медицине; кто знает, глядишь – станет получать зарплату, юаней сорок в месяц; люди говорят, сейчас дочку иметь даже ценнее, чем сына; сын женится и во всем по дому будет слушать невестку, а девочка пусть и уйдет в другую семью, все равно будет заботиться о родителях. Но год назад мать Аймилак заболела и слегла, и это подкосило старика; не только потому, что они с сыном не умели печь лепешки, раскатывать и тянуть лапшу и не могли теперь поесть нормальной еды, а скорее потому, что им пришлось больше делать по хозяйству: больше косить травы, рубить хвороста, намного больше выбивать и подметать циновок – а это напрямую отражалось на доходах. Поэтому Асим решил, что Аймилак надо вернуться домой и заниматься хозяйством. Ход его мыслей изменился: все равно дочка великих дел не свершит, выйдет замуж и будет жить в чужой семье, так пусть пока в доме от нее будет хоть какая-то польза.

Кто мог подумать, что Аймилак, никогда не говорившая отцу ни слова поперек, даст ему решительный отпор? Она сказала, что умрет, но не бросит учебу. Только тогда до Асима дошло, насколько серьезный оборот приняло дело: дочка жила на стипендию медтехникума – вроде как это снижало расходы, даже можно было рассчитывать на какую-то выгоду; но в то же время уменьшилась ее зависимость от семьи. Дочь перестала его слушаться, как это так? – и, подумать только: в двадцать лет взрослая девушка живет в городе, в техникуме – раньше в этом возрасте у нее уже могло быть двое или трое детей! От этих мыслей у Асима без мороза бежала по телу холодная дрожь.

Сын Иминцзян, семнадцати лет, с детства был любимчиком Асима, нежно обожаемым баловнем. До Освобождения Асим сам ходил босой, но заказывал мастеру пару маленьких кожаных сапожек для Иминцзяна, и каждый раз, когда доводилось есть баранину, остававшийся на руках жир Асим втирал в маленькие сапожки, чтобы они у сыночка блестели. По правде говоря, в этих сапожках четырехлетнему Иминцзяну было не очень удобно, из-за них ему не раз доставалось: сынок Махмуда поколачивал его и, давая тумаки, приговаривал: «И у тебя, значит, тоже такие сапожки!»

Иминцзян с малолетства был окружен отцовской безграничной любовью и заботой, неустанными поучениями и наставлениями; но он не превратился в кроткого котеночка за пазухой у Асима. Он пошел в школу, вступил в пионеры, и постепенно в нем проступило, как бы сказать, «второе дно». Революционные истории, которые рассказывали вожатые, он слушал с явно большим интересом, чем нотации отца о правилах и добродетелях. Судя по участию в школьных песенно-танцевальных мероприятиях и соревнованиях по играм с мячом, Иминцзян постепенно сворачивал на другую дорожку. В конце концов Асим велел сыну уйти из пятого класса – все равно не быть ему кадровым работником, а пяти классов учебы хватит с лихвой; к тому же быть наследником фруктового сада, домика, ковров, фарфора и дойной коровы – это покруче любой кадровой работы. Иминцзян поплакал и пошел работать в бригаде. Кто ж думал, что Абдулла и Турсунай из комсомольской ячейки станут и дальше донимать Иминцзяна, и через два года он вступит в комсомол... При одной только мысли об этой

⁷ В Китае этот сорт дословно называется «сорт «кумыс». – Примеч. ред.

бойкой девушке Турсунай, которая часто прибежала то позвать Иминцзяна на собрание, а то и поговорить, у Асима холодели руки и ноги и перехватывало дыхание.

Серьезный, надежный, всегда внушавший Асиму доверие и уважение замначальника бригады Жаим – и вдруг каким-то непонятным образом выросил с головы до ног совершенно не соответствующую представлениям старшего поколения дочь, эту девчонку, которая еще и наперекор всем нормам к имени своему прибавляла «бейвей»: Турсун-бейвей – то есть «наставница»! Это уж совсем все с ног на голову! Чтобы защитить своего сына, никогда особенно не общавшийся с людьми Асим специально нанес «визит вежливости» Жаим-джану, а там и задал родителям этой Турсун-бейвей три вопроса: во-первых, почему она до сих пор не замужем? – во-вторых, почему иной раз повязывает головной платок на шею и ходит с непокрытыми волосами? – в-третьих, почему Турсун-бейвей, работая на пшеничном поле, надевает не юбку, а штаны? После Асим высказал еще и два пожелания. Первое: усилить контроль за Турсун-бейвей. Второе: больше не позволять ей общаться с его сыном.

Жаим ничего не сказал, а мать Турсунай, Зайнаф, начала громко смеяться.

– Вай, брат Асим! Ты что же, думаешь, твои штаны отвечают старым традициям? Пойди спроси старцев-мусульман: разве раньше в Кашгаре мужчины не носили юбки с разрезом впереди? А что до женщин, то раньше не то что волосы – лицо нельзя было показывать! Теперь, раз можно выставлять наружу и нос, и глаза, и рот – то почему же нельзя волосы?! неужели волосы опасней, чем рот? И к тому же Турсунай-бейвей следит за чистотой: она каждую неделю два раза голову моет – не то что уважаемая сестра Нишахан, у которой по волосам ползают насекомые. Что же до замужества, то вам, уважаемый, сперва бы подумать о своей Аймилак!

Визит Асима кончился ничем. Мало того, что развязное поведение Зайнаф добавило нового беспокойства, так еще и – ну совсем нельзя было такого ожидать! – Жаим тоже сказал: – У молодежи своя жизнь, свой путь.

Ну просто ужас!..

Однако если сказать, что Асим ни днем ни ночью места себе не находил от волнений или был на грани нервного срыва, то это будет не совсем правдой. Другой бы кто спросил: ну как же человеку жить с такой тяжелой ношей, не чувствуя вкуса пищи, не находя себе покоя? В действительности же чрезмерное постоянное переживание и тревога могут стать привычными, перейти в обычное состояние настороженности: человек всегда неукоснительно соблюдает правила и благодаря этому достигает особого душевного равновесия. Если бы не было этой тревожности, Асим не чувствовал бы жизни и собственного бытия, и вот тогда-то он, может быть, и не мог бы спокойно есть и спать; как, например, неподготовленный человек, попавший в состояние невесомости. Вот тогда-то и было бы ему тяжелей и страшнее во сто крат! Заметим еще, что страх и тревожность вовсе не противоречат тактике самоуспокоения и самодостаточности; иногда они так же неотделимы друг от друга, как две стороны одной монеты. Вот, к примеру, переживая за судьбу Иминцзяна, Асим отнюдь не переставал чувствовать и некоторое умиротворение: комсомол – хорошая организация, во всем учит молодежь идти верным путем; Иминцзян любит труд, любит помогать людям; он не говорит глупостей, не курит, не пьет, никогда не путался с бестолковыми сверстниками...

И все же в последнее время события, происходившие вокруг, намного превосходили то, к чему привык и с чем мог находиться в равновесии Асим. Он совершенно не понимал, что произошло и что произойдет. В прежние годы он слышал от некоторых ученых старцев, что в мире через сколько-то лет появляется нечисть, бесы, имя которым – аймугуки, они устраивают в Поднебесной великую смуту, и кости мертвых устилают поля. Во времена опустошительного Западного похода среди не знающих себе соперников монголов, а также и татар, как раз затесались такие бесы, и было уничтожено большое число поселений и городов; пришедшие потом японские черти тоже были из этих айму-бесов; и прежде доходившие до Или банды Ма Чжуньина тоже большей частью были из них же, из чертей. Освободились потом, десяток

с лишним лет пожили спокойно и счастливо, не слышали о сеющих смуту аймугуках; а сейчас почему-то опять на душе у людей стало тревожно... Не появилась ли снова где эта нечисть? Особенно не дает покоя то, что случилось вечером тридцатого апреля, ведь он своими глазами это видел... Испугался так, что три дня не вставал с кана.

На четвертый день встав, первым делом он отправился в Инин и пришел в медтехникум за дочерью: если умирать – так уж лучше вместе. Дочки не было на месте; в приемной сказали, что выпускники на практике в больнице. Тогда он пошел в больницу. Дочь была в операционной, и он ее не увидел. Он снова вернулся в техникум, стоявший в тени деревьев, и попросил, когда встретят Аймилак, передать ей, что дома очень срочное дело, и пусть она со скоростью огня возвращается домой. Потом, в полном изнеможении, он вернулся в село, и первое, что увидел, войдя во двор, – старуха взялась белить стену раствором извести и половину уже побелила. Он велел ей остановиться. В такие-то времена белить стены – это просто безумство, безрассудство какое-то, вызов Небу⁸... Сумасброды всегда первыми получают несчастья на свою голову; Асим же, сам не понимая как, надеялся остановкой побелки стены выразить Истинному Владыке, миру и домашним свой страх и трепет, с тем чтобы избежать беды и отвести несчастье.

Прошел день, и еще один, и две недели – а дочь не возвращалась. Снова идти за ней у Асима уже не было сил. За это время Асим ни разу не ходил на работу в бригаду; неужели, чтобы выразить свой страх? Вряд ли. Может быть, он считал, что когда мир рушится, сельхозработы в бригаде, запись баллов и трудодней в книге учета – все это не имеет смысла? Нет, так глубоко он не рассуждал; ядовитые речи Малихан не повлияли на него. Бросить этот кусок земли, на котором он так осторожно работал и жил несколько десятков лет, и отправиться в другую страну? Такая мысль даже мимолетно не посещала его голову. Когда Асим отправлялся, скажем, в город, чтобы купить чего-нибудь, время мучительно тянулось для него; как только солнце начинало клониться к западу (а на самом деле еще вполне себе стояло прямо над головой Асима) – он уже думал о доме. Возвращаясь, он всегда спешил, чтобы скорее толкнуть калитку, войти в свои кущи; убедиться, что садик и домик на прежнем месте; что корова, барашки, ослик, старуха, дети – все живы-здоровы; заняться своими делами, всеми конечностями забраться внутрь к себе в домик и тысячу раз, десять тысяч раз повторить: «Благодарю Тебя, Истинный Господи, за милость Твою!» – и глубоко-глубоко вздохнуть. Так почему же он не выходил на работу в поле? Просто у него совершенно не было сил: наверное, и вправду заболел. Можно сказать, заболел, но это не значит, что он сидел без дела: то пощупает печку, то подергает упряжь для ослика, то вдруг бросится в погреб снимать с прошлогодней капусты подсохшие и подпортившиеся листья. Поработает так немного – и снова уронит руки, переведет дух: голова кружится, подташнивает...

Позавчера к вечеру Аймилак все-таки вернулась. Асим и плакал, и смеялся, и укорял, и обнимал. Живая и невредимая вернулась дочка, из гибельного места – можно сказать, на волосок от гибели была. Аймилак, взглянув на отца, забеспокоилась и сразу же проверила его пульс; осмотрела горло и язык, измерила температуру – все было в пределах нормы. Она дала отцу несколько дрожжевых таблеток. Отец не слушал разъяснений дочери, принял обеими руками таблетки да так и держал их, все более ощущая, насколько серьезно он болен. От старших он раньше слышал, что эти белые таблетки придумали в Европе, а Европа – это совсем не то, что тут у нас. Они там очень... очень... еще хлеще русских. Ну вот, раз ему теперь надо съесть это придуманное европейскими людьми лекарство – значит, болезнь его и в самом деле серьезна?..

Асим сказал дочери, что теперь, раз она вернулась, не надо ей больше ездить в техникум; вот установится в Поднебесной тишь да порядок – тогда и поговорить можно. Дочь ему

⁸ В Китае белый цвет – цвет траура, подразумевается, что он может принести несчастье. – Примеч. ред.

отвечала, что в городе и рабочие, и служащие, и жители – все трудятся, живут совершенно нормально, и ничего не происходило такого, чтоб из ряда вон. Асим же раз за разом повторял: «Кто убоится – тот сохранится, кто не страшится – тому конец!»

Сегодня спозаранку Аймилак, взяв что-то из одежды и пару маленьких круглых лепешек, собралась обратно в свой техникум; Асим от этого чуть не помер.

Он решительно не позволил ей никуда ехать. Полдня Аймилак терпеливо ему все объясняла; а он дрожащими губами повторял еле слышно одно и то же: «Не пушу!». Иминцзян поддержал старшую сестру – сказал несколько слов; а потом даже Нишахан, подруга жизни, весь век свой хоть, может быть, и имевшая свои другие воззрения, но ни словом ни делом ни разу не перечившая Асиму – и та сказала свое:

– Пусть идет! Ей скоро кончать, а кончит – будет врачом, это же хорошо! Она девочка молодая, будет как ты весь день дома сидеть – со скуки помрет!

Почувствовав поддержку, Аймилак подняла сумку и собралась идти, но Асим загородил дверь и, не сдерживаясь, беззвучно зарыдал:

– В такое-то время... Вы все меня не слушаете... Вы у меня такие хорошие... Вы все лучше меня!

Нишахан сжалилась над стариком и, смягчившись, спросила у дочери:

– А может, ты завтра пойдешь, а?

Аймилак взвилась. Сейчас выпускная практика и самое напряженное время, а вот уж полдня впустую потрачено – и еще ждать? Еще полдня?!.. Что изменится завтра в характере отца, который всю жизнь такой! Что?! Аймилак хотела идти немедленно. Нишахан дрогнула и тоже расплакалась. Аймилак вспомнила о своем горе, о том, что у нее нет руки и как это неудобно, как некрасиво, и что она – неполноценная девушка... ну что за судьба окаянная! Лишь только Аймилак при новой жизни, согретая ее теплом и светом, смогла пойти учиться, стала культурной, и вот-вот станет востребованным на селе, уважаемым медицинским работником (да, калека, но не бесполезная вещь!), а впереди – светлый и славный путь... Но тут – глупый отец и мягкотелая мать, которые ни капли не понимают и не думают ни о твоих перспективах, ни о твоей жизни, а только и делают, что мешают твоей учебе и тянут назад! И сколько еще ее будет, этой бестолковщины и глупости!.. Тут Аймилак не выдержала и тоже заплакала.

Иминцзян вспомнил, как бросил учебу, как обещал на комсомольской ячейке повлиять на отца и уговорить его спокойно выходить на работу, хорошо трудиться – но отец у него такой тупой, ничего-то не понимает! Он и злился на отца, и жалел мать, и сочувствовал сестре, и так переживал, что не смог выполнить порученного ему комсомолом задания... И у него из глаз покатились слезы.

В этот, прямо скажем, трудный момент в их дверь шагнул Ильхам.

Спозаранку, еще до утреннего чая, Ильхам, руководство и активисты Седьмой бригады провели летучку. Ильхам по разнарядке работал в первой половине дня в поле с того края села, где стоял дом Асима, и, закончив, зашел к нему. Не случайно именно Ильхам пришел проводить работу с Асимом: тот его уважал и слушался, хоть и был намного старше. Среди прочего на то была одна простая причина – Ильхам спас ему жизнь.

Шесть лет назад, в 1956 году, когда только-только образовался под руководством Лисиди самый первый в районе сельскохозяйственный кооператив высокой ступени, Ильхам, погоняя принадлежащую кооперативу повозку, ехал в Чапчал на шахты за углем для повседневных нужд членов кооператива.

В Или уголь из Чапчала считается лучшим. В то же самое время еще не вступивший в кооператив единоличник Асим на своей одноконной повозке с деревянными колесами тоже ехал в Чапчал, и на переправе вместе с Ильхамом въехал на паром. Паром был очень большой,

на нем за один раз можно было перевезти много машин, телег и просто пеших людей. Через реку над ее пенящимися и бурлящими водоворотами был протянут толстый стальной трос; сам паром крепился к тросу шкивом – скользящим по этому тросу колесом – и, при правильном положении и под нужным углом, используя силу стремительно несущейся воды, без человеческих усилий и машинной тяги, плот мог переправляться на южный берег и так же возвращаться на северный. Ильхам и Асим, управляя каждый своей повозкой, въехали на этот паром – в бурлящую толпу больших телег, маленьких тележек, грузовиков, велосипедов и пешеходов. Через довольно продолжительное время паром пересек kloкочущие мутные потоки реки Или и прибыл к ее южному берегу, но когда все собрались сходить на берег – лошадь Асима вдруг испугалась затарахтевшего рядом грузовика и дернулась. Асим, испугавшись, что лошадь упадет в воду и утащит за собой тележку, шагнул вперед, чтобы удержать ее. Кто ж знал, что плот там окажется неровным!.. Осадив лошадь, Асим не уследил за собой и оказался в реке. Стоявшие вокруг люди закричали. Молодой и сильный двадцатитрехлетний Ильхам тут же, быстрее, чем это можно рассказать, скинул через голову ватник и бросился в водоворот, пока река не унесла Асима, ухватил того за ремень и выволок на берег из пронизывающей до костей ледяной бурлящей воды. Все это продолжалось не дольше двадцати секунд, но река унесла их за это время метров на пятьдесят вниз по течению, подумать только! На другой день никогда не слывший общительным и гостеприимным Асим велел своей Нишахан приготовить лепешек на сливочном масле и лично отправился пригласить Ильхама к себе в дом, где он его самым учтивым образом угощал и одаривал: выложил два с половиной метра замечательной мягкой ткани и полкирпича чая в знак признательности. Ильхам не взял ни того ни другого, зато вдоволь наелся лепешек и, пока ел, рассказывал хозяину – крестьянину-средняку – о преимуществах кооператива, о светлой перспективе социализма; пропагандировал. Вскоре после этого Асим и вступил в кооператив.

– Говорят, вы плохо себя чувствуете? Вот, пришел вас поведать, – первым заговорил Ильхам.

– А-а... О-о... – Асим не знал, что сказать. Иминцзян поспешно вытер глаза и усадил Ильхама на почетное место. Тот медленно вытащил из-за пазухи лепешку – члены коммуны, приходя в село на работы, всегда брали с собой сухой паек, а в обед расходились по домам местных жителей, где их поили чаем. Это заставило Нишахан очнуться и задать несколько вежливых вопросов о здоровье Цяопахан и Мирзаван, после чего она пошла было готовить чай, но тут увидела, что под навесом стоит большой мешок.

– Это чье?

– Мы кукурузу прореживали. Собрал для вашей коровы, – ответил Ильхам.

– Это нам? – Нишахан обрадовалась, но и удивилась: – А вам, что же, не надо? Вам, ведь, наверное, тоже лишним не будет!

– У нас одна коза, у себя травы насобираем – ей хватит.

Разговор между Нишахан и Ильхамом о побегах кукурузы пробудил в Асима живой интерес – он не удержался и вышел к ним. Как это – тихонько принес целый мешок! – и теперь что? так вот и будут тут сохнуть?! Кто же не знает, что молодые побеги кукурузы для коров – все равно что ароматный плов для людей! Он обнял мешок и приподнял: мешок был тяжелый, набитый плотно, под завязку. Асим бросил в сторону Ильхама ласковый и благодарный взгляд: ну какой же милый, какой хороший и трудолюбивый он человек! Тут же Асим поспешил под навес к своей корове, обеими руками стал вынимать из мешка побеги. Свежие ярко-зеленые сочные листья пахли молодой кукурузой; корова замычала, подошла и стала жевать с явным удовольствием, захватывая помногу за раз, отряхивая липнувший сухой корм. Вслед за коровой, ритмично мотающей и головой и хвостом, радостный Асим тоже стал раскачиваться и причмокивать. Как будто и у него пошли слюна и желудочный сок; настроение стало улуч-

шаться, и в темных тучах, грозно сгустившихся над его головой, вроде бы забрезжил просвет. По крайней мере, он осознал очевидную необходимость выходить на работу в поле.

Пока Асим радовался вместе с коровой, Иминцзян потихоньку сказал Ильхаму, что отец не отпускает сестру учиться. На лице Асима, вернувшегося наконец в дом, появился легкий румянец, но взгляд был виноватый – с большим запозданием он, наконец, обратился к Ильхаму:

– Садитесь, пожалуйста! Садитесь! – после чего сел сам и стал сбивчиво отвечать на вежливые вопросы Ильхама о самочувствии.

– Вам, кажется, беспокойно? Боитесь, что вернутся аймугуки? – участливо спросил Ильхам.

– Как! И вы про них знаете? – Асим был поражен, услышав это слово от Ильхама. То, что он человек «знающий», для работников Седьмой бригады не было новостью. Асим, с одной стороны, даже обрадовался: можно теперь с авторитетным человеком обсудить этот вопрос. С другой стороны, смутное беспокойство только усилилось – ведь, получается, Ильхам тоже признает их существование, этих... аймугуков...

– Раньше действительно были аймугуки, – сдерживая улыбку, сказал Ильхам.

– Были?.. – изменился в лице Асим, и только что вернувшееся к нему и корове хорошее настроение мигом улетучилось.

– Что такое аймугуки? Это, по старым поверьям – кометы, предвещающие беду, это злодеи, губящие людей и приносящие народу несчастья злые духи и оборотни. Разве мало таких было? Гоминьдан, землевладельцы, старые обычаи, банды Оспана и Ма Чжуньина – вот они и есть самые настоящие аймугуки.

Японские империалисты, напавшие на Китай, негодяи, разрушившие счастливую жизнь людей, – тоже аймугуки. И сейчас есть еще аймугуки, которые пытаются разрушить созданное нами, вредят нам; они говорят: «что мое – то мое, а что твое – тоже мое!» – так ведут себя аймугуки. Они хотят посеять у нас смуту, они грабят на пожаре, тянут руки, чтобы в хаосе пожить. Они – самые настоящие бесы и оборотни...

– Вы это говорите...

– Конечно, я говорю о реальной борьбе. Разве может взаправду вылезти из-под земли черт с длинными рогами на голове? Но там, где есть люди, всегда есть аймугуки – точно так же, как тени там, где есть солнце. Это называется классовый враг, классовая борьба. Именно потому, что есть классовый враг и классовая борьба, – именно потому есть компартия.

– То есть всегда враги? Всегда борьба? И в мире опять будет хаос? – тревожно спросил Асим.

– Какой хаос? Кто хочет хаоса и смуты, ты? я? Компартия тверда и прочна, как горы Тяньшань. Сейчас на полях в рост пошла пшеница, поднимается кукуруза, уже можно снимать первый урожай люцерны; солнце встает на востоке, вода по арыкам течет на поля – где тут хаос? Конечно, есть такие люди, которым только смута и нужна; а есть и такие, которые могут на время поддаться смуте из-за своей робости, по глупости. Но это не беда. Раньше, столкнувшись с трудностями, люди говорили: «Велик бог!» – и, говоря так, находили в сердце своем опору. Ладно, мы и дальше будем обращаться к богу; но теперь у людей появилось новое выражение: мы теперь говорим в сложной ситуации – «Велика сила организации!» – а это значит, что у нас есть партия, есть Председатель Мао!

– Вы это очень хорошо говорите, но мне все равно страшно...

– Чего вы боитесь, что вас пугает? В народе хорошо сказано: страх – это бес; бесов вообще-то нет, но если человек боится беса, то бес появляется и цепляется к нему...

– Да-да... Вы это... чаю выпейте, – промямлил Асим, и как раз вошла Нишахан с чайником.

Утершая слезы и умывшаяся Аймилак вышла из внутренней комнаты и сказала:

– Отец, я ухожу...

Асим вытаращил глаза, но сказать не мог ни слова – словно держал во рту вареное яйцо.

– Отпустите ее, пусть идет! Учеба – дело хорошее. Какая славная девушка! – негромко сказал Ильхам Асиму.

Асим по-прежнему молчал. Ильхам вместо него ответил Аймилак:

– Ступай, учись хорошенько. Выучишься – станешь хорошим врачом! Только старайся теперь еще усерднее, а в воскресенье навещайся домой, чтобы отец с матерью были спокойны. Договорились? – И это «договорились» относилось к обоим – и к дочери, и к отцу.

Аймилак кивнула, и Асим что-то неразборчиво буркнул – не то «да» не то «нет». Аймилак бросила на Ильхама взгляд, полный признательности, повернулась и вышла.

За чаем Ильхам нарочно критиковал Иминцзяна:

– Ты, брат, что-то разгневался! Совсем расслабился! Так же нельзя, смотри – стена побелена наполовину и брошена; это все равно что побрить половину головы – одна половина белая, другая черная, ну куда это годится!

Иминцзян хотел было оправдаться, но Ильхам сделал знак, чтобы он помолчал.

– После обеда закончим – вместе побелим, я помогу!

Когда речь зашла о побелке, старикам стало неловко, и тогда Ильхам переменял тему разговора:

– Какие у вас замечательные розы! Я как вошел во двор, так и замер от вида этих распускающихся бутонов! Какой насыщенный красный цвет! А розовые – такие нежные!..

– Что, розы уже распустились?

– Как это? Вы что же, не знаете, что у вас в саду происходит? – засмеялся Ильхам.

– Так ведь... пока сажаешь-сажаешь... Все оно вот оно, перед носом, а и не видишь... Кто ж знал, что за эти дни, когда голова занята... этими... – тихо бормотала Нишахан.

– А?.. Э-э... Вы, значит, любите розы? – Асим в смущении не нашелся, что еще сказать.

– Конечно. Все любят розы, особенно те, кто из района Кучар. Брат Рахман говорит, что там все подряд – и мужчины, и женщины, и стар, и млад – все любят втыкать розу себе в волосы или под край шапки. А тех, кто приходит в гости с букетом роз, – тех принимают особенно радушно.

– А мы уйгуры из илийского Таранчи – ведь на монгольском это значит «люди, выращивающие хлеб», – еще при Цинской династии нас переселили сюда из Кашгара в Южном Синьцзяне, чтобы усилить границу и заниматься тут земледелием, потому что в Или крестьян не хватало. Мы не хуже тех, кто в Кучаре! – вмешался в разговор Иминцзян. – Я помню, как в четвертом классе наш учитель литературы пришел с огромным букетом роз и так с ним и забрался на кафедру! Рассказывает нам урок, а сам то и дело опускает голову и нюхает розы. Тут директор школы зашел на урок, увидел это дело и, говорят, потом сделал учителю замечание. А учитель с ним не согласился! И они спорили-спорили, да так и ничего не решили! – тут Иминцзян громко расхохотался, рассмеялся и Ильхам. Асим смотрел то на сына, то на гостя – и тоже засмеялся.

– Заходите после работы, возьмите себе роз – и бабушке Цяопахан отнесете, и сестричку Мирзаван порадуете, – предложила Нишахан.

– Ладно, спасибо. Брат Асим! – просто и прямо заговорил Ильхам. – Когда цветут розы – как раз самая горячая пора на полях! Судьба годового урожая решается именно сейчас! Настоящие земледельцы в это время не сидят по домам. Брат Асим, как я погляжу, болезнь ваша – от уныния. Может, это жена помещика – Малихан – нашептала какую-нибудь околесицу?..

– Нет... я... – лицо Асима то краснело, то бледнело.

– Иминцзян, уже наелся? Готовь известь! – скомандовал Ильхам. – Давай сюда кисть!

– Нет-нет-нет! Я сама! – разволновавшаяся Нишахан стала отбирать у Ильхама малярную кисть из конского волоса, но Ильхам не отдавал.

– Да вы увидите – я не хуже русских женщин умею белить! – Ильхам громко захохотал.

...Приход Ильхама был как порыв теплого весеннего ветра. Бывает, что кое-где по углам, с теневой стороны, куда не попадает солнце, сугробы лежат чуть не до начала лета – и не тают; лежат, ждут, пока прилетит такой вот теплый весенний ветер.

Корова все еще смачно жует сочную молодую зелень, принесенную Ильхамом. Стена уже покрашена, в доме стало чисто, светло, свежо и радостно. Аймилак ушла, пообещав вернуться в субботу – всего-то пять дней осталось. Иминцзян весело тарыхтит без умолку. Пока они белили домик, Асим тихонько сидел на корточках у своих роз и чинил тяпку. Иминцзян отчитался перед Ильхамом: какие именно подрывные беседы вела со стариками Малихан – насколько они их запомнили. Ильхам не спешил с расспросами, чтобы не переполошился старик; а когда собрался идти, Нишахан сорвала самую большую, самую яркую, красивую розу и дала Ильхаму еще раз напомнив, чтобы он после работы зашел снова...

В обеденное время Ильхам сделал крюк в сторону дома Асима не только для того, чтобы провести этого «почтительного и послушного слугу Истинного Владыки», как иногда горделиво говорил про себя Асим; было у него и другое важное дело: он хотел осмотреть тот участок арыка, где вода прорвала дамбу ночью тридцатого апреля, а находился он как раз рядом с этим домом. Раньше здесь была низина, канал проходил по ее верхнему краю. А дальше к югу, от сада Асима, начинался пологий подъем, и там было больше сорока му земли, куда вода не доходила, там росли кое-где одни только ирисы, лисохвост, дикий овес да крапива. В 1958 году, в период Большого скачка, Ильхам предлагал продлить арык метров на двадцать и распахать эту пустующую землю: в первый год посеять тыкву, на второй год – горох, и получать хороший урожай. Но там, где низина, надо было делать высокую дамбу, чтобы поднять воду до этих сорока пустующих му, напор был бы сильный, и если бы прорвалась вода, остановить ее было бы трудно. Тогда Ильхам был полон решимости засадить полезными культурами эти сорок му и считал, что все зависит от человека: можно так построить, чтобы вода не прорвала дамбу. Когда они строили этот рукав арыка, они использовали все подходящие инструменты, которые только имелись у строителей: трамбовки, вальки, катки – наращивали слой за слоем дамбу и каждый слой уплотняли, так что получилось довольно прочно. А по бокам арыка с двух сторон сделали очень пологий склон, чтобы даже тяжелая телега на деревянных колесах не повредила дамбу. Прошло несколько лет, и ни разу не было никаких происшествий; насыпь проросла травой, корни травы переплелись и сделали дамбу еще прочнее. Но в тот раз вода пробила в ней дыру метра два шириной. За десять с лишним дней ил, собравшийся в низине, высох под жаркими лучами солнца и потрескался причудливыми узорами, напоминающими черепаший панцирь. Кроме этого двухметрового участка, в котором свежие комья глины перемежались с пучками соломы – их использовали, чтобы заделать брешь, – остальная часть дамбы была цела, и не было на ней заметно никаких следов разрушения – ни выбоин от копыт, ни колеи от колес, ни нор, прорытых земляными крысами. Выйдя от Асима, Ильхам уселся напротив этого колена арыка и долго сидел, наблюдая и размышляя. В тот злополучный день дежурил на поливе известный на всю округу Нияз-дерьмо. Этот «подарок Неба». Только сейчас, по слухам, он с приятелями отправился в горы собирать дикие травы и уже много дней не был дома.

Глава шестая

Муса и Уфур воюют друг с другом

Пошла махать коса

Рабочая обстановка вокруг героя

Теплые ласковые весенние ветры раскачивают просторы; на равнине, по краям арыков, на перекрестках, у мостов – у каждого двора и под каждым окном они растопили последние остатки снега и наледи, дуют на распускающиеся бутоны роз, зовут вверх побеги посевов и листья деревьев...

Пока Ильхам белил у Асима стену, другие партийцы, комсомольцы, руководители и активисты по призыву парткома, не упуская ни единой мелочи, вели разъяснительную работу; они заходили в каждый дом и говорили с каждым. Они приветливо улыбались, их хотелось слушать; их участие и понимание, приветливая открытость и спокойная рассудительность рассеяли скопившиеся у кого-то в умах и на сердце темные тучи, согрели каждое доброе, но немного загрубевшее или слабое мягкое сердце; они воздвигли самую обыкновенную – но вместе с тем необходимую и успокаивающую – дамбу уверенности, отгородившую простую повседневную жизнь от мутных потоков злой лжи.

Турсун-бейвей вела работу особыми методами. По разнарядке ей было поручено мобилизовать нескольких женщин, не выходящих на работу без причины. В середине дня она собрала семь или восемь девчушек возраста восьми-девяти лет, четко объяснила задачу, быстро с ними прорепетировала. А потом повязала голову платком, закатала рукава, набрала воздуха в грудь и во главе отряда чистеньких аккуратненьких детишек выступила в поход. Обходя один за другим порученные ей дома, она вместе с малышками подметала и приводила в порядок двор. Сам объект проработки – хозяйка двора, не выходящая на работу и не имевшая на то веской причины – удивлялась, благодарила, боялась, как бы дети чего-нибудь не сломали, и сопровождала все это громкими возгласами. В этот момент малышки выстраивались в шеренгу и под руководством запевалы начинали громко декламировать: «Мамочка в поле не вышла – так разве годится? Нет работы – нет кукурузы, нет и пшеницы!» Потом все хором слаженно продолжали: «Мамочка добрая, мамочка милая! Ты же такая трудолюбивая! Выходи скорей работать! Выходи скорей работать! Выходи скорей!..»

Хотя девочек было не много, кричали они так, что уши закладывало.

Если объект проработки был достаточно молод, то «мамочку» заменяли на «сестрицу». Турсун-бейвей знала, что чем больше не любят эти женщины выходить на работы, тем меньше им хочется, чтобы их называли «тетушками» и «бабушками». А если вдруг малышек было недостаточно, то в дело вступала и сама Турсунай, повторяя еще разок, ясно и четко. Малышки могли, конечно, и подзабыть что-то, и сбиться, но Турсунай была рядом и тут же, из зрительного зала, так сказать, – в котором зачастую кроме нее никого не было – подсказывала нужные слова. Детишки повторяли свои речевки раз за разом, пока слушательница не принимала на себя обязательство в кратчайшие сроки, через день или максимум два, выйти в поле на работы.

Абдулла в этот день против обыкновения появился у моста. Через главный канал, идущий вдоль шоссе, построили мост для дороги в сторону села; мост был деревянный, и перила

на нем с обеих сторон сделали очень широкими, прямо как две длинные скамейки – чтобы людям было где посидеть. Когда в Синьцзяне строят мост в сельской местности, то обязательно учитывают две его функции: транспортную, с которой и так все понятно, и функцию места для отдыха. Праздно шатающаяся молодежь мужского пола обожает здесь собираться, сидеть на перилах и отдыхать. Можно греться на солнышке, подставлять себя ветерку, наслаждаться прохладой, «дышать свежим воздухом», курить, слушать журчание текущей воды. Но главное – смотреть на проходящих по мосту пешеходов, в том числе – и в особенности – на девушек и молодых женщин. Парни обсуждают их от головы до пяток, сопровождая это взрывами хохота. По правде говоря, большинство этих парней никакие не хулиганы, их шутки нельзя назвать непристойными (настоящие хулиганы не собираются в таких местах ради шуток), это всего лишь безалаберные ребята, которым недостает политической сознательности и организованности, им всего лишь нравится щеголять своей бойкостью.

В соответствии с решениями, принятыми утром на летучке, Абдулла шел сюда – с некоторой неохотой, однако едва сдерживал смех. Он громко позвал:

– Парни, идите сюда! Я вам рассказ читаю!

Абдулла достал книжку и стал читать. Читал он очень хорошо, с интонациями и ритмом, ясно, звучно, эмоционально, так что все, кто коротал время у моста, собрались вокруг него. Сначала они недоумевали: зачем здесь вдруг оказался Абдулла? Парни боялись, что он начнет их воспитывать, может, даже ругать – а надо сказать, в словесной перепалке даже все вместе они Абдулле не соперники. Когда же он стал читать рассказ, они расслабились, хотя по-прежнему ничего не понимали. Абдулла читал о том, как Оуян Хай самоотверженно рисковал жизнью, спасая других. Дочитав, Абдулла обратился к своим слушателям:

– Парни, смотрите: он был такой же, как и мы; вот каким должен быть настоящий мужчина – за народ не побояться отдать последнюю каплю крови. А вы? Вы уже давно вышли из того возраста, когда детей кормят грудью, на ночь вам не ставят под кроватьку горшочек, а на обед вы можете съесть полверблюда – но вы до сих пор у моста околачиваетесь! Почему не выходите в поле работать? Ну да, я знаю, вы скажете, что вчера выходили. Как же так можно! В самое горячее время для земледельца! Даже конь – если это хороший конь – рвется скакать на поле битвы, а не валяться в пыли на солнышке весь день. Разве не видите, не слышите, что ревизионисты, реакционные элементы, землевладельцы-негодяи пытаются разрушить наше светлое завтра, и разве ваша лень – не помощь им в их черном деле? Направьте вашу кипучую энергию на дело полезное – поля коммуны ждут вас!..

Самым старым в этой большой бригаде был Салам. Он и сам не знал, сколько ему лет; помнил только (ему рассказывали), что в тот день, когда он родился, дул сильный ветер и зеленые абрикосы начинали желтеть. Бабушка Цяопахан говорила, что была еще молодой девушкой, а Салам уже ходил с длинной бородой. В Седьмой бригаде Салам работал лесничим. Солнце еще не вставало, когда он уходил в лесную полосу на работу и оставался там до вечера. Он не только поливал деревья, рыхлил землю, белил стволы, но еще и следил – особенно в это время года, – чтобы чьи-нибудь ослы или козы не обгрызали кору с деревьев: в мае она сочная, в ней много витаминов, и если какой-нибудь безответственный хозяин не уследит за скотиной, то посадки могут серьезно пострадать. Он и за деревьями смотрел, и к прохожим присматривался. Салам знал всех местных жителей. Ему достаточно было беглого взгляда, чтобы понять: этот вот спешит по делу, а вон тот просто так прогуливается. Он останавливал каждого, с кем, как он считал, следовало поговорить: рассказывал, что не надо верить сплетням, не надо поддаваться панике, а надо успеть как следует сделать все срочные сельскохозяйственные работы в весенний сезон, не пугаясь ревизионизма. Само слово «ревизионизм» было для него труднопроизносимым и малопонятным, как он ни старался им овладеть; а уж «Второй интернационал», «Каутский» и «социалистическая демократия» – это вообще было покрыто густым туманом. Но дед придумал способ победить нехорошее слово. Повторяя его и так и эдак, он

переделал его на свой лад и всех уговаривал «не бояться развя-зиз-ма». Салам выговаривал это звучно и по слогам, чем вызывал веселый смех у слушателей. Старик и сам был доволен, что коверкает это опасное слово и делает его нестрашным, неопасным, а, стало быть, вносит свой немалый вклад в общую борьбу с этим явлением.

И еще Дауд, кузнец, и Санир, начальница женского комитета. И еще Жаим, замначальника бригады, и его жена Зайнаф... Они постоянно вели работу, разъясняли, уговаривали, спорили, доказывали. Они, с одной стороны, терпеливо вели агитацию, а с другой – прислушивались и присматривались к людям, чтобы понять их настроения, чтобы отыскать следы вражеской деятельности.

Но где же самый активный из всех активистов, где наш старый добрый Абдурахман? Погодите минуточку...

Рассказывая о том, какими обыкновенными, но важными делами занимался в этот день костяк бригады, мы, конечно, не должны забывать о Лисиди.

Бывший двор помещика Махмуда и его сына Ибрагима был просторным. После Освобождения на дворе прибавилось построек. Когда организовали коммуну, здесь разместилась целая бригада. У входа во двор рос огромный древний тополь, его мелкие круглые листья закрывали от солнца большой кусок земли, и летом тут проводили собрания – в тени свободно помещались человек сто и даже больше. На нижней ветке висела гильза от снаряда американского производства – ее привезла рабочая группа еще в год проведения земельной реформы, гильзу использовали вместо колокола. Не всем нравится использовать числительные в названиях мест (большая часть сельских жителей, например, считает, что Первый район, или Вторая коммуна, или Третья бригада – это слишком абстрактно, наперекор всему они используют названия неофициальные, но колоритные конкретные: «у тополя», «напротив белого магазина», «на краю канавы»), поэтому про Четвертую бригаду любили говорить: «под тополем» или «у той снарядной гильзы». Начальником Четвертой бригады был коммунист Уфур по прозвищу Фаньфань, Уфур-спорщик.

Не то чтобы он спорил больше, чем кто-либо другой, но если спорил, то разбирал все до мелочей, основательно, не толкал воду в ступе и не кидался из стороны в сторону. Говорил он быстро, торопился, и голос его при этом будто описывал параболу: то есть каждую мысль, будь то одно предложение или целых десять, Уфур начинал тихо, но чем больше он говорил, тем громче и выше становился его голос, так что не знающие его люди думали, будто он сердится или ругается, а к концу речи голос Уфура постепенно стихал. Кожа его была темно-коричневой, прямо как у жителей Индии, и еще он имел привычку при разговоре закатывать глаза, так что белки сверкали, а от того, что быстро говорил, его толстые губы мелькали и прыгали – это тоже создавало впечатление, будто он спорит. Сельчане любят давать прозвища; какие-то отражают суть, а какие-то – только внешнее сходство. Легкомысленное прозвище Фаньфань, которое можно понимать и как намек на болтливость, было дано Уфуру, конечно, не без основания, однако совершенно не отражало его настоящего характера. В том, что касалось коммуны, в том, что касалось партии, Уфур не был Фаньфанем, он скорее походил на старого рабочего вола своей прямоотой, честностью и основательностью – что говорил, то и делал. Вот поэтому и стал Фаньфанем для изворотливых и пронырливых хитрых лисов.

Весной 1956 года высшее руководство отправило Уфура вести сев на неорошаемых полях. Он взял с собой молодого парня в помощники, запряг лошадь в телегу на деревянных колесах, погрузил плуг, семена пшеницы для посева, корм для лошади – и отправился в путь. То, что называют неорошаемыми полями, – это земля на склонах по северному берегу долины реки Или. Из-за высоты рельефа туда нельзя провести воду, но земля там плодородная. Сельчане каждый год в начале весны сеют там понемногу то пшеницу, то кунжут, а в августе смотрят, что из этого вышло: если есть урожай – отправляются косить, а если не выпадало дождей – не будет ни колоска, только потеряешь семена; обычно все же какой-никакой урожай был. Если

выдавался хороший год и летом было много дождей, то неорошаемые поля давали пшеницы много и хорошего качества; из нее получалась мука с высоким содержанием клейковины, тесто из такой муки идеально подходило для раскатывания и растягивания – делать ту самую лапшу, до которой все большие охотники.

Засевать неорошаемые поля – это во многом полагаться на удачу, что показывает неразвитость производительных сил нашего сельского хозяйства, однако для производства продовольственного зерна в Или это полезная прибавка, и поэтому каждый год за эту работу брались – и брались как следует. В тот год, когда на склоны поехал Уфур, планировали закончить посев за пять дней, но из-за того, что в середине срока прошел дождь, за пять дней не управились. Корм для лошади еще оставался, а вот сухой паек – то есть лепешки – кончился. Если возвращаться в село за едой – туда да обратно пешком будет два дня, да и как возвращаться, не сделав дело? На такое Уфур решиться не мог. Он сказал своему помощнику так: «Ничего, лучше останемся; ну не пообедаем завтра. Возьмемся за дело, закончим посев – и тогда уж домой, отъедаются да отдыхать!» Парень-помощник, видя такой подход и решимость Уфура, с ним согласился; только кто ж знал, что работать на пустой желудок окажется так непросто! Корзина с семенами стала тяжелой, каждый шаг давался с трудом, холодный пот бежал по лицу, во рту было и горько, и кисло, подташнивало... Видя такое дело, Уфур велел парню возвращаться, а сам, стиснув зубы, работал до глубокой ночи. На седьмые сутки, в полдень, победно завершив свою миссию, довольный и улыбающийся во весь рот Уфур вернулся «под тополь».

Был и другой случай, уже в 1958 году, когда к ним в бригаду впервые прислали трактор: только что избранному бригадиром Уфуру сообщили, что в семь часов вечера к ним «под тополь» пригонят трактор, чтобы Четвертая бригада пахала ночью. Сразу после ужина Уфур пришел «под гильзу» на первое свидание с «железным волком», можете себе представить! Час прождал, еще час – и тени трактора нет! Другие ответственные работники из бригады пришли сменить Уфура – но он сказал, что говорил с начальником техстанции и обещал, что лично будет на месте. Ничего, если он подождет трактор, а вот чтобы за ним бегали, когда трактор придет, – так не годится. Его золотоволосая жена-татарка Лейла приходила, звала домой – он и ее не стал слушать. Кое-кто стал посмеиваться над бригадиром, но тот не обращал внимания. Он прождал восемь часов и лишь в половине четвертого утра услышал вдали тарахтенье мотора. Вот такой человек Уфур – прямой, надежный, не знающий усталости, не боящийся трудностей.

Но этой весной было одно дело, когда Уфур действительно повел себя как болтун-фань-фань. В конце марта в большой бригаде собрали начальников всех бригад и стали проверять готовность к посевной. С утра до вечера начальство большой бригады и все бригадиры обходили участки, осматривали инвентарь и технику, проверяли качество и подготовку семян, состояние арыков, готовность тяглового скота и применение удобрений на полях. Вечером в штабе большой бригады подводили итоги: определяли, кому вручить переходящее красное знамя. Начальник Седьмой бригады Муса доложил, что его бригада в ходе предпосевной подготовки внесла на поля по три тысячи фунтов навоза на каждый му земли. По этому показателю Седьмая бригада намного опередила остальных. Да и на глаз было видно во время проверки, что в местах хранения удобрений у Седьмой бригады и куч больше и навалено выше, чем у других. По всем прочим направлениям работ уровень был у всех примерно одинаковый, так что количество навоза стало решающим фактором. Кто-то предложил вручить переходящее знамя Седьмой бригаде, Кутлукжан согласился, Муса сиял от счастья. Уфур закатил глаза, но так ничего и не сказал, и все думали, что он переживает из-за потери переходящего знамени, которое уже несколько лет подряд доставалось Четвертой бригаде. Собрание должно было вот-вот закончиться, когда Уфур заговорил и выдал подробный расчет по Седьмой бригаде: на бригаду приходится 724 му земли для весеннего сева; если на каждый му поля внести по 3 тысячи килограммов навоза, то всего потребуется 2 миллиона 200 тысяч килограммов; основ-

ных мест хранения у Седьмой бригады четыре: на берегу реки Или – овечий навоз, конский – на сельской конюшне, конский и коровий – у штаба бригады и еще – собранный со дворов, при этом каждая из куч такой-то высоты, такого-то диаметра в основании, и если считать по максимуму, то всего наберется не больше одного миллиона килограммов. Далее Уфур стал рассматривать транспортные возможности Седьмой бригады: столько-то работников были заняты на перевозке навоза носилками и тачками, с такого-то дня начали возить. Если каждый день возить максимум столько-то, то всего получится за это время столько-то. Короче, нет у Седьмой бригады такого количества навоза, не могли они столько вывезти на поля. Из этого следует, что 3 тысячи килограммов навоза на 1 му поля – цифра недостоверная, и Уфур не согласен отдавать Мусе знамя, но предлагает завтра как следует осмотреть поля Седьмой бригады, потому что сегодня смотрели только вдоль дороги и только те поля, что рядом с селом.

Речь Уфура повергла собрание в ступор. Лисиди сразу понял: подсчеты и логика Уфура железные, спорить тут бесполезно. Лисиди было досадно: он сам чувствовал, что Муса завирается, но не посчитал так, как это сделал Уфур. Очень жаль, что так вышло, потому что, во-первых, Уфур слишком поздно выступил со своей речью – собрание-то уже приняло решение! (О Небо! а как Уфур мог раньше выступить со своими возражениями? Он сидел два часа, молча считал и пересчитывал, и только когда убедился во всем – тогда и сказал.) Во-вторых, переходящее знамя сейчас как раз у бригады Уфура. Если Седьмая бригада его не получит, оно, очевидно, так и останется у Четвертой. Получается, Уфур борется за него – какую еще мотивацию люди увидят в его выступлении? Вместе с тем, конечно, надо выступать против завышения показателей, за реальный и деловой подход, надо поддержать честность и скрупулезность Уфура. Лисиди думал, как ему все это выразить словами, но тут Муса скинул с плеч пальто, вскочил и ударил стулом об пол:

– Я получил красное знамя, а ты не можешь смириться? Не согласен – и цепляешься, хочешь так насчитать, чтобы себе знамя оставить? Мы – бригадиры, а не счетоводы, руководим производством, а не на счетах щелкаем! Как командиры, мы должны крепкой хваткой держать... – Муса вскинул свою ручищу и сжал кулак, показывая, как крепко надо держать. – А не крепко держать – все равно что не держать вовсе, это слова Председателя Мао. Что толку считать да пересчитывать? Вы мне еще камни на песчинки пересчитайте! Ой, брат Уфур! Ай да бригадир Уфур! Какой же вы у нас интересный да забавный человек! Я посмотрю, вам не столько прозвище Уфур-Фаньфань подходит, сколько Уфур-Несносный!

Слово «несносный» в уйгурском языке используется довольно интересно; в нем есть оттенок насмешки, когда так говорят о человеке. «Несносный» – человек мелочный, думает лишь о себе, раздражается попусту; а еще лезет в драку, пусть только на словах, и всегда терпит поражение, к нему относятся с пренебрежением. Но это не бранное слово. При ссоре люди говорят его прямо в лицо, критикуя, а не ругая; но слово это крепкое, против него не поспоришь: если тебя называют несносным, а ты злишься, краснеешь, споришь – это только лишнее доказательство «несносности». Когда Муса употребил это слово, все собрание засмеялось, а Кутлукжан и без того уже давно хохотал, раскачиваясь взад-вперед.

Уфур мигом вскочил на ноги и страшно сверкнул глазами:

– Это кто из нас несносный?! Идем, прямо сейчас посмотрим на поле и увидим, кто врет!

Муса вытянул шею:

– Ты чего на меня орешь? Я бригадир Седьмой бригады, а не твой ребенок!

Кутлукжан махнул им, велел сесть, и громко сказал:

– Что это такое? Это неподобающее поведение; мы устраиваем соревнование не ради конкретных личностей, не для того, чтобы вы знамя вырывали друг у друга, а чтобы поощрить работу, чтобы широко раскрытыми глазами смотреть на успехи других бригад, чтобы учиться друг у друга лучшему и помогать друг другу! Товарищ Уфур, вы же член партии, старый бри-

гадир; почему до сих пор не можете занять правильную позицию? Бригадир Муса, вы тоже погорячились! Красное знамя уже отдали вам, решение принято!

Кутлукжан еще не успел закончить, когда Уфур развернулся и пошел к выходу. Он с шумом распахнул дверь и ушел.

– Это... это... это... – Кутлукжан даже побледнел, стукнул по столу, и лицо его стало страшным от гнева. Таким его не видели прежде. – Что это за член партии! Что это за бригадир! – громкий голос разрезал тишину. – Как можно так вести себя перед начальством, так относиться к организации! Так нельзя! Надо осудить такое поведение и решить вопрос, принять организационные меры! Завтра на ячейке будем решать вопрос, а не решим – отправим в коммуну, пусть там решают... – и, фыркнув, уже тише добавил, будто сам себе: – Ну никакого порядка в этом мире...

Никогда еще собрание не проходило в такой гнетущей атмосфере.

– Собрание окончено! – гневно объявил Кутлукжан. Члены бригады обливались холодным потом от страха за Уфура, не зная, какие неприятности ждут его впереди. Лисиди был поражен: он не думал, что Уфур может быть таким своенравным, неосмотрительным, так горячиться, и такого гнева у Кутлукжана он тоже не мог предположить. Кутлукжан, когда улыбался и был ласков, делал это сознательно, и то, что он в гневе метал громы и молнии, тоже имело определенную цель.

На другой день Лисиди нашел повод поговорить с Кутлукжаном:

– Что касается Уфура, то, думаю... – начал он.

– Дело совершенно ясное, – махнув рукой, прервал его Кутлукжан и демонстративно зевнул, показывая, что речь идет о чем-то неинтересном, как бы давно позабытом, о далеком прошлом. – Муса действительно немного преувеличил. А Уфур немного не сдержался. Зависть! Но так уходить с собрания совершенно непозволительно! В нашей работе тоже не без недостатков. Соревнование, например: сравниваем результаты, где лучше, где хуже – все относительно... – Тон Кутлукжана был такой мягкий и беспристрастный, словно тот собирался всем участникам соревнования – в том числе и себе, и Лисиди – каждому выдать по тридцать ударов палками для начала.

Однако Лисиди не отступал:

– Вы вчера предлагали осудить Уфура, решить вопрос, доложить в коммуну...

– Конечно, надо решить вопрос! – лицо Кутлукжана стало каменным. – Пустить такое на самотек было бы ошибкой! – сказано это было без нажима, без указания на то, к чему и к кому относилось. Затем Кутлукжан, опустив глаза, обратился к бухгалтеру большой бригады по поводу какого-то денежного перевода, не обращая больше внимания на Лисиди. И вдруг, подняв голову, сказал ему:

– Я с ними поговорю. Проведу работу. – И снова перевел разговор на другое. Видя это, Лисиди понял, что продолжать бесполезно – слушать его не будут.

Внимательно наблюдая за Кутлукжаном, Лисиди постепенно понял: все эти громогласные заявления после ухода Уфура были на публику, чтобы укрепить авторитет секретаря перед бригадами, чтобы те больше уважали его; «ругать незамужнюю дочку, чтобы невестка слышала» – так это называется. Сейчас он собирается «толочь воду»: если разобраться с Уфуром, то придется отменять решение о переходе знамени, и тогда пятна ржавчины, как говорится, будут на лице Мусы, которого Кутлукжан одной рукой поддерживает.

Вот так обстоят дела. Потом, когда Уфур пришел к Кутлукжану с самокритикой, секретарь, смеясь, взял его за руку, а когда тот руку убрал за спину, положил свою мягкую ладонь Уфуру на плечо, так что тому показалось, будто по плечу ползет жирный червяк. Кутлукжан сказал:

– Вы это, конечно, правильно говорите, есть неточности в докладе бригадира Седьмой бригады, я их уже критиковал. А Четвертая бригада по-прежнему работает хорошо, да. Однако

красное знамя у вас задержалось, так недалеко и до зазнайства и самоуспокоенности. Знамя в этот раз дали Четвертой бригаде, и это для вас хороший стимул. Разве это вам не на пользу?

Уфур не знал, что и сказать. Это тоже такой талант Кутлукжана: он искусно обходит разногласия, в любой момент готов повернуть беседу хоть на запад, хоть на восток, всегда найдет нужное слово; пошумит на востоке, а зайдет с запада, будет ходить кругами и уворачиваться, избежит прямого столкновения и оставит противника в недоумении. Решая вопрос так мастерски, он сам чувствует удовлетворение от своего превосходства и выглядит величавее...

Это было два месяца назад, а сейчас проблемы у бригадира Уфура гораздо серьезнее.

Лисиди увидел Уфура еще издали. Он с помощниками – крепкими парнями – косил люцерну. Утренняя роса еще не высохла, зеленая, с нежно-фиолетовым отливом трава с мелкими мясистыми листиками пахла сладко, не так, как пахнет обычная; скорее, как пахнет сладкий картофель. Солнце едва показалось над горизонтом, и по полю растянулись длинные тени косарей. Под ногами у них была ровная, аккуратно выкошенная земля, на ней ровными рядами лежали кучки люцерны. Лисиди ступил на поле и позвал:

– Бригадир!

Уфур неторопливо поднял голову, молча пожал руку Лисиди. Потом снова взялся за косу и размахнулся.

Косить траву – тяжелая работа. Уфур же косил так, словно это не стоило ему никаких усилий. Он расставлял ноги, не спеша распрямлялся, чуть наклонялся вперед, выносил вперед правую руку, а левой поддерживал длинную рукоятку косы; потом делал взмах справа налево – и лезвие неслось сквозь траву со свистом, оставляя за собой большую дугу, метра два с лишним; свежескошенный пласт люцерны ложился ровно, стебелек к стебельку, верхушка к верхушке, открывая под собой землю. Уфур делал широкий шаг вперед, снова принимал начальную позу и снова – ш-ш-ш-ш! – свистела коса. Ширина шага, наклон спины, угол в предплечье и хват косы – все было выверено, подчинено строгой закономерности, как движения спортсмена, как танец, все было таким же завершенным и прекрасным. Уфур – мастер косить. Вместе с ним работали еще несколько человек: казалось, будто кто-то двигался быстрее, чем он, кто-то сильнее вел плечом, у кого-то шаги были пошире, а кто-то больше захватывал косой – но только никто не мог за ним угнаться. Уфур шел впереди, за ним оставалась широкая чистая полоса, словно поле аккуратно стригли под машинку и скошенная трава лежала ровно, кучка за кучкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.